Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

N_____
З бібліотеки
АРХ. ПАЛЛАДІЯ

БОЛОХОВСКАЯ ЗЕМЛЯ

И

ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРІИ ЮЖНОЙ РУСИ ВЪ XIII И XIV СТОЛѢТІЯХЪ.

Н. ДАШКЕВИЧА.

КІЕВЪ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1876.

93-4205
Digitized by Google

Отдѣльный оттискъ изъ „Трудовъ“ 3-го Археологическаго Съѣзда.
Печатано по распоряженію Редакціоннаго Комитета по изданію трудовъ третьяго Археологическаго Съѣзда.
Предсѣдатель Редакціоннаго Комитета *В. Модестовъ*.

Digitized by Google

N_____
З бібліотеки
АРХ. ПАЛЛАДІЯ

ПОСВЯЩАЕТСЯ

В. Б. АНТОНОВИЧУ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи.

Рефератъ **Н. П. Дашкевича.**

Изъ подготовительныхъ работъ къ созданію полной и обстоятельной картины прошлаго Русской земли, немалая часть должна придтись на долю исторической географіи, которая, на ряду съ множествомъ мелкихъ вопросовъ относительно отдѣльныхъ мѣстностей второстепенной важности, ставитъ и болѣе крупныя задачи.

Возьмемъ, напримѣръ, южнорусскую землю въ до-монгольскій періодъ. Опредѣлены-ли *точно*, а не *гадательно* ея рубежъ со стороны Венгріи [1]) и отчасти со стороны Польши? Знаемъ-ли мы, какъ слѣдуетъ, разновременныя границы славяно-русскихъ племенъ и затѣмъ галицкихъ владѣній въ земляхъ, прилегавшихъ къ Черному морю и Дунаю?

Мало того: многое темно и въ мѣстностяхъ ближайшихъ къ тогдашнимъ центрамъ Русской земли.

Мелькнувшая какъ-то неясно въ южнорусской лѣтописи XII и XIII-го стол. Болоховская земля, по отзывамъ авторитетныхъ историковъ [2]), все еще остается загадочною, какъ по мѣстоположенію ея, такъ и по происхожденію ея князей.

Единственный источникъ, сказавшій намъ о ней, т. е. названная нами лѣтопись [3]),

[1]) Указанія г. Барсова на счетъ этого, чтобы быть принятыми въ наукѣ, нуждаются въ болѣе обстоятельныхъ основахъ.

[2]) К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, „Русская исторія", томъ I; Н. И. Костомаровъ, „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей", 1 отд., вып. I (С.Пб. 1873), стр. 134. Тоже и у Зубрицкаго: „Исторія древняго Галичско-русскаго княжества", I (Львовъ 1852 г.), стр. 62.

[3]) Въ другихъ современныхъ лѣтописяхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, и въ

Digitized by Google

къ счастію, не оставилъ насъ въ полной безпомощности и не только опредѣлилъ, хотя не совсѣмъ прямо и явственно для перваго взгляда, мѣстоположеніе ея вообще [1]), но на-

описаніяхъ путешествій того времени, о ней нѣтъ ни слова. Не упоминаютъ о ней и польскіе анналы XIII стол. (мы просмотрѣли ихъ по изданію Бѣлёвскаго—въ «**Monum. Pol. historica**«, **t. II, Lwów**, 1872 — и Соммерсберга — въ «**Silesiacarum rerum scriptores**», **t. II, Lipsiae, 1730**), хотя Болоховскіе князья, по извѣстію нашей лѣтописи, пришли однажды въ непріязненное столкновеніе и съ Мазовіею (Ипатскій списокъ по изданію 1871 года, стр. 527). Оно случилось не позже 1243 г., потому что лѣтопись сообщаетъ о немъ при описаніи событій, имѣвшихъ мѣсто предъ возвращеніемъ Татаръ изъ похода на Западъ, а также и не непосредственно предъ этими событіями: начиная повѣствованіе о Болоховскихъ князьяхъ, лѣтопись выражается: „Онѣм(ъ) же одинако не помнящимъ добродѣанья..." Вѣроятно, это было послѣ 1234 г., когда Болоховскіе князья, принявшіе сторону Черниговскихъ, были захвачены въ плѣнъ Даніиловыми войсками; лѣтописецъ уже при описаніи этого послѣдняго событія упомянулъ бы о неблагодарности Болоховскихъ князей, на которую намекаетъ подъ 1241 г., еслибы они дали передъ тѣмъ обѣщаніе повиноваться Даніилу, но онъ этого не дѣлаетъ. Старанія Михаила Черниговскаго объ освобожденіи Болоховскихъ князей не только не увѣнчались успѣхомъ, но повлекли за собою рядъ потерь для него. И если Болоховскіе князья не тогда, а въ другое какое-то время дали обѣщаніе признавать Даніилову власть, то, очевидно, имъ удалось въ первомъ случаѣ уйти отъ него безъ подобныхъ условій. — Г. Соловьевъ предполагаетъ („Ист. Россіи", III, стр. 211—212 по изд. 1862 г.), что все это случилось, „когда Даніилъ жилъ въ Вышгородѣ у Болеслава Мазовецкаго; князья Болоховскіе прибѣжали также въ Польшу отъ Татаръ; но Болеславъ не хотѣлъ принимать ихъ, а хотѣлъ ограбить....." Этого нельзя сказать, вникнувъ поглубже въ лѣтопись. Болоховскіе князья не могли бѣжать отъ Татаръ во время опустошенія южной Руси; они должны были войти въ упоминаемое лѣтописью соглашеніе съ Татарами еще до прохода послѣднихъ мимо Болоховской земли, которая осталась цѣла. Не думаемъ также, чтобы Даніилъ и Василько, жившіе съ малою только дружиною у гостепріимно обошедшагося съ ними Болеслава (Ип., 523), могли рѣшиться на брань съ нимъ изъ-за своихъ враговъ. — Разсказъ нашей лѣтописи о вторженіи Болоховцевъ во владѣнія Болеслава Мазовецкаго довольно неясенъ. Не видно, во 1-хъ, причины этого нападенія: вторгнулись-ли Болоховскіе князья въ Мазовію, чтобы отомстить грабежемъ Даніилову союзнику, или же, какъ думалъ Карамзинъ (IV, прим. 20), они хотѣли овладѣть частью этой области? Допустить первое едвали позволятъ слова Болеслава, который, желая посуровѣе съ ними расправиться, не поставлялъ Даніилу на видъ, что Болоховскіе князья были общіе ихъ враги, а ссылался только на неподвѣдомственность ихъ Даніилу (значитъ, послѣднему нечего заступаться за нихъ). Напротивъ, одно выраженіе Болеслава („почто суть вошли *во землю мою, яко не вдахъ имъ?*") благопріятствуетъ догадкѣ Карамзина. Не бѣжали ли Болоховцы, заслышавъ о Татарахъ, когда тѣ были на той еще сторонѣ Днѣпра, и не думали ли они поселиться въ Мазовіи на какомъ-нибудь свободномъ мѣстѣ? Во 2-хъ, непонятно, какъ Болоховскіе князья могли проникнуть въ Мазовію, когда она отдѣлялась отъ нихъ владѣніями Даніила и Василька, очевидно, бывшихъ тогда дома и, слѣдовательно, могшихъ помѣшать ихъ проходу.

[1]) Мы разумѣемъ въ особенности весьма важное для насъ лѣтописное извѣстіе подъ 1257 г.

Digitized by Google

звалъ даже главнѣйшіе ея города: „Деревичь, Губинъ и Кобудъ, Кудинъ, Городѣць, Божскый, Дядьковъ“ [5]).

При помощи этого-то, главнымъ образомъ, указанія и стараются ученые со времени Карамзина опредѣлить мѣстность Болоховской земли, полагая ее тамъ, гдѣ находятъ поселенія, по названіямъ своимъ напоминающія перечисленные въ лѣтописи города Болохова. Послѣ незабвеннаго нашего исторіографа, предполагавшаго сначала, что Болоховскіе князья жили къ югу отъ Бреста, а потомъ отказавшагося отъ рѣшительнаго приговора по этому вопросу [6]), вслѣдъ за извѣстнымъ Ходаковскимъ [7]), ученые обратились въ Подолію и начали располагать Болоховскую землю по теченію рѣки Бога [8]). Ходаковскій былъ направленъ туда, кажется, Кудинкою, найденною имъ у самой рѣки Бога [9]). Г. Соловьевъ думалъ найти подкрѣпленіе этой теоріи въ корнѣ названія одного изъ Болоховскихъ городовъ, именно Божскаго, которое, по его мнѣнію, происходитъ отъ рѣки Богъ [10]), а г. Барсовъ, въ первомъ изъ своихъ трудовъ по исторической географіи Россіи, указалъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ также лежащее у Бога с. Губкинъ и привелъ

[5]) Ип., 526.

[6]) Вмѣстѣ съ Ходаковскимъ Карамзинъ находилъ не мало основаній относить Болохово въ Подолію, но, съ другой стороны, его смущало, что „Болеславъ Мазовскій жаловался на то, что они самовольно захватили часть его владѣній ... Слѣдственно Мазовія граничила съ ихъ княжествомъ?“ Ист. госуд. Росс., IV, прим. 20.

[7]) Ходаковскій высказалъ слѣдующее мнѣніе о Болоховѣ: „Болоховъ находился въ Подольской губерніи. Тамъ на дорогѣ изъ Кіева въ Галичь были и города Кудинъ Божскій (нынѣ Кудинка), Деревичи, Губинъ, Дядковъ, Бѣлобережье, Черятинъ, область князей Болоховскихъ, въ окрестностяхъ и на берегахъ Буга, впадающаго въ Днѣпровскій лиманъ“. Исторія госуд. Росс., ibid.

[8]) Зубрицкій, Исторія др. Гал.-р. княж., III (Львовъ 1855), 137: „Жилища князей Болоховскихъ были на югѣ, на Волынской и Галичской границахъ отъ степи, на плодородной Подоліи, на Понизью, не подалеку отъ Каменця, отъ Бакоты,—между Бугомъ и Днѣстромъ“. — Петрушевичъ („Галицкій историч. сборн., изд. обществомъ Галицко-русской Матицы“, вып. II, Львовъ 1856, стр. 110): „Болоховскіе князья, бывъ иногда подручниками Романовичей, имѣли свой удѣлъ въ окрестностяхъ и на берегахъ Буга, впадающаго въ Днѣпровскій лиманъ“. — Г. Шараневичъ („Исторія галицко-володимирскои Руси“, Львовъ 1863, стр. 83) полагаетъ, что подъ Болоховскою землею должно разумѣть „надбужаньскіи области на Подолю“. — Н. И. Костомаровъ также говоритъ, что Болоховскіе князья владѣли берегами Буга („Р. Ист.“, вып. 1, стр. 134).

[9]) Ходаковскій слилъ два Болох. города въ одинъ: „Кудинъ Божскій“. См. выше.

[10]) „Исторія Россіи“, III. Сл. II, прим. 242, и Погодина „Изслѣд., л., з.“, IV (М. 1850), стр. 172.

[11]) Это замѣчаніе, находящееся только въ Ермолаевскомъ спискѣ, въ которомъ есть еще

Digitized by Google

замѣчаніе одного изъ самыхъ позднихъ списковъ южнорусской лѣтописи—Ермолаевскаго—о томъ, что „Болоховъ, Мунаревъ въ Подольской земли“ [11]).

Но поселенія съ названіями, напоминающими Болоховскіе города, какъ увидимъ ниже, встрѣчаются не въ одной только Подоліи. Изданіе въ послѣднее время подробныхъ картъ Военно-топографическимъ отдѣломъ Главнаго Штаба [12]) даетъ возможность значительно расширить кругъ этихъ поселеній и открываетъ существованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ даже въ количествѣ двухъ-трехъ. Внѣ Подоліи находимъ и Болохово, даже не одно [13]). Нѣсколько пунктовъ, находящихся внѣ ея и носящихъ наименованія, близкія къ наименованіямъ Болоховскихъ городовъ, было указано г. Барсовомъ уже въ его „Матеріалахъ для историко-географическаго словаря Россіи“, вышедшихъ въ 1865 г. [14]), но это не отклонило тогда г. Барсова отъ исканія Болоховской земли исключительно въ Подоліи. А между тѣмъ весьма естественно рождается вопросъ о причинѣ предпочтенія именно Подоліи. У сторонниковъ разбираемой нами теоріи это не объяснено, не приведено удовлетворительныхъ историческихъ подкрѣпленій, а видны лишь голословныя утвержденія. Иногда эта гипотеза явно даже не сходится съ лѣтописными указаніями, которыя мы постараемся сейчасъ изложить.

нѣсколько подобныхъ толкованій, очевидно, было приписано въ то время, когда былъ скопированъ Ермолаевскій списокъ. По всей вѣроятности, оно основано на одномъ предположеніи. Впрочемъ, названіе Подоліи относилось тогда не къ одной Подольской губерніи, но охватывало гораздо большую часть южнорусской территоріи.

[12]) Онѣ изданы въ двухъ видахъ..

[13]) Въ Луцкомъ уѣздѣ встрѣчаемъ Болоховичи, а вблизи этихъ послѣднихъ немало мѣстностей, подходящихъ, по своимъ названіямъ, къ Болоховскимъ городамъ, и однакоже туда невозможно относить Болоховскую землю. Въ XVII столѣтіи (см. ниже) было, повидимому, Болохово вблизи м. Лысянки (Кіевской губерніи). Намъ сообщали, что тамъ и теперь есть урочище этого имени, но, къ сожалѣнію, мы не могли удостовѣриться въ справедливости этого сообщенія. Во всякомъ случаѣ, нахожденію Болоховской земли вблизи теперешней Лысянки (къ чему склоняется нѣсколько г. Барсовъ) противорѣчитъ разсказъ южнорусской лѣтописи подъ 1150 г., по которому „смежность мѣстъ по Галицкой дорогѣ къ Кіеву можно, кажется, опредѣлить такъ: Болоховъ, Мунаревъ, Перепетово поле, Ольшаница, Стугна, Тумащь, Васильковъ, Звѣнигородъ...“ Погодина „И., л., з.“, IV, 176—177. Тому противорѣчатъ и всѣ вообще лѣтописныя сказанія о Болоховѣ, а они имѣютъ первенствующее значеніе въ рѣшеніи нашего вопроса. — Поэтому мы не придаемъ никакого значенія и тому, что Чернятинъ есть, между прочимъ, въ Таращанскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи. — О Болоховѣ въ Галиціи см. ниже.

[14]) Деревичи, Бузовка. Къ Деревичамъ былъ пріуроченъ лѣтописный Деревичъ и въ „Учебномъ атласѣ по русской исторіи“, составленномъ и изданномъ подъ редакціею г. Замысловскаго.

Digitized by Google

Лѣтописнымъ извѣстіямъ рѣшительно противорѣчитъ и мнѣніе г. Шнейдера, помѣстившаго на изданной имъ въ 1874 году картѣ [15]) Болоховскую землю къ западу отъ Галича, невдалекѣ отъ Карпатъ, на томъ основаніи, что тамъ находятся мѣстности Болоховъ, Bolechów, Belejów.

Занимающій насъ вопросъ получилъ нѣсколько иную постановку только въ послѣднее время, благодаря оставленію въ сторонѣ традиціи относительно Подоліи: мы разумѣемъ новѣйшій трудъ г. Барсова [16]). Отъ установившихся предположеній отступилъ и г. Кавшнинъ-Самаринъ въ замѣткѣ о Болоховскихъ князьяхъ, включенной имъ въ статью „По поводу Любецкаго синодика“ [17]). Но и у этихъ ученыхъ не совсѣмъ правильно указана мѣстность Болоховской земли: у одного изъ нихъ предѣлы ея отодвинуты слишкомъ далеко на востокъ, у другаго — болѣе чѣмъ слѣдуетъ — на сѣверъ, и, во всякомъ случаѣ, и ихъ соображенія невполнѣ твердо обставлены [18]).

Точно также нуждаются въ болѣе твердой постановкѣ сужденія и относительно князей, стоявшихъ во главѣ Болоховской земли.

А между тѣмъ эта послѣдняя занимала немалое для того времени пространство и, кажется, отличалась довольно плотнымъ населеніемъ [19]), которое, какъ увидимъ, состояло несомнѣнно изъ славяноруссовъ. — Притомъ Болохово играло не послѣднюю роль въ исторіи южной Руси XIII стол. Галицко-Волынская лѣтопись, разсказывая покороче исторію борьбы Болоховцевъ съ Даніиломъ, старается затушевать это, но не успѣваетъ. Отъ внимательнаго изслѣдователя не ускользнетъ, что Болохово стояло во главѣ какого-то особеннаго движенія, которое никакъ не могъ преодолѣть Данилъ Галицкій, и увлекало за собою значительную часть южной Руси. При скудости матеріаловъ для исторіи древнерусскаго общественнаго духа, мы думаемъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду это движеніе.

---

[15]) Archeologische Karte. — Вышедшіе листы ея были присланы издателемъ на археологическую выставку, устроенную на время съѣзда. — Что Болохово было не въ Галиччинѣ, видно и изъ того, что тамъ вовсе не сохранилось мѣстностей съ названіями Болоховскихъ городовъ, а между тѣмъ Галиція подвергалась опустошеніямъ менѣе остальныхъ частей югозап. Руси.

[16]) „Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи“. Варшава 1873. Примѣчанія, стр. LXIV.

[17]) При этомъ г. Квашнинъ-Самаринъ имѣлъ въ виду и наше замѣчаніе въ изслѣдованіи о княженіи Даніила Галицкаго. См. 4-ю кн. „Чт. въ Москов. Общ. Ист. и Др. Р.“ за 1873 г., отд. V, стр. 217.

[18]) Нужно сказать однако, что и тотъ и другой ученый коснулись этого предмета лишь мимоходомъ.

[19]) Она боролась съ Даніиломъ упорно и довольно долго, и князь этотъ однажды „возьма въ ней плѣнъ многъ“. Ип., 526. Чрезъ какихъ-нибудь 15 лѣтъ послѣ того она опять оживаетъ.

Digitized by Google

Болоховская земля привлекла мое вниманіе среди занятій древнѣйшей исторіей южнорусскаго края, и я имѣлъ уже случай печатно высказаться по этому вопросу [20]). Въ настоящемъ сообщеніи я осмѣлился представить вниманію гг. ученыхъ результаты, къ которымъ я пришелъ при дальнѣйшихъ работахъ по этому вопросу.

Не имѣя притязанія на окончательное его рѣшеніе, я желалъ бы только обратить вниманіе гг. ученыхъ на нѣсколько собранныхъ мною фактовъ, которые, на сколько мнѣ извѣстно, были доселѣ игнорируемы. Представленныя мною по поводу этихъ фактовъ соображенія я предлагаю лишь какъ опытъ посильнаго заключенія на основаніи ихъ свода.

I.

Опредѣляя мѣстность, въ которой жили нѣкогда Болоховцы, ученые, по большей части, избираютъ исходнымъ пунктомъ лѣтописныя названія ихъ городовъ съ одной стороны и имѣющіяся на лицо подходящія указанія изъ современной географической номенклатуры съ другой.

Мы постарались ознакомиться самолично и—по возможности — подробнѣе съ топографіей югозападнаго края и изъ мѣстностей, въ которыхъ встрѣчаются поселенія, напоминающія, по своимъ названіямъ, Болоховскіе города, мы сочли себя въ правѣ признать древнею Болоховскою землею только ту, къ которой можетъ подойти и *все остальное* сообщаемое лѣтописью объ этой землѣ, какъ прямо, такъ и косвенно.

Прежде всего мы озаботились свести и строжайше вникнуть во всѣ лѣтописныя извѣстія.

Изъ собранія и сопоставленія ихъ оказывается, что Болохово находилось между землями Кіевскою и Галицкою, на пути изъ послѣдней въ Кіевъ [21]), — передъ Мунаре-

---

[20]) Въ сочиненіи: „Княженіе Даніила Галицкаго, по русскимъ и иностран. извѣстіямъ“ (Кіевъ, 1873).

[21]) На этомъ пути, вѣроятно, было и Большево, въ которомъ остановился однажды Изяславовъ посланникъ, выѣхавши изъ Галича. — Одинъ только разъ въ лѣтописи Болохово является находящимся какъ бы на дорогѣ изъ Кіева во Владиміръ: „Поиде Мстиславъ отъ Кіева . . . и постигоша и (Половцы) у Болохова“ (Ип. сп. подъ 1172 г.). При остальныхъ указаніяхъ лѣтописи, это не имѣетъ для насъ рѣшающаго значенія. Прежде всего—можетъ быть, вмѣсто Болохово нужно читать Борюховъ (тепер. Боруховъ, или же, что вѣроятнѣе, — Борушковцы Новоградволынскаго уѣзда), какъ стоитъ въ спискахъ Хлѣбн. и Погод. Если же вѣрнѣе чтеніе „Болохова“ и если Мстиславъ не могъ бѣжать на Болохово, насъ занимающее, то нужно допустить вмѣстѣ съ г. Погодинымъ (см. его „Изслѣд., замѣч. и лекціи“ IV, 177) существованіе другаго Болохова (г. Погодинъ напрасно только различаетъ Болохово 1150 г. отъ

Digitized by Google

Библіотека
Арх. Палаты

вымъ, стоявшимъ на той же дорогѣ [22]) невдалекѣ отъ Ярополча — теперешнихъ Яроповичъ Сквирскаго уѣзда [23]), и передъ Володаревомъ, какъ полагаютъ—теперешнею Володаркою Сквирскаго уѣзда, очевидно, на югозападъ отъ нихъ [24]), во всякомъ случаѣ,—на югъ, невдалекѣ. Какъ бывшій по той же дорогѣ къ Галичу, упоминается въ частности и одинъ изъ Болоховскихъ городовъ—Божскій [25]). Изъ лѣтописей далѣе видно, что Бо-

---

Болохова, гдѣ жили занимающіе насъ Болоховцы: то и другое Болохово, судя по лѣтописнымъ указаніямъ, совпадаютъ), бывшаго гдѣ-то сѣвернѣе. Можетъ быть, онъ находился на мѣстѣ теперешнихъ Болоховичъ, хотя эти послѣдніе могли получить начало уже при Данилѣ (см. ниже).

[22]) Ип. сп. подъ 1150 и 1159 гг.

[23]) Вблизи Яроповичъ есть Яроповцы. — Отъ Мунарева было недалеко къ дикимъ Половцамъ. Ип. подъ 1160 г., стр. 346. Очень жаль, что лѣтопись не сообщила, на какіе пункты шелъ Владимірко до прибытія къ Болохову; тогда мы имѣли бы возможность точнѣе еще опредѣлить положеніе послѣдняго. О лѣтописномъ Мунаревѣ какъ бы напоминаетъ тепер. Мошуровъ Уманскаго уѣзда. У Целларія (Regni Poloniae regionumque omnium ad id pertinentium novissima descriptio. Amstelodami 1659. P. 385) находимъ *Monkarowa*, но тутъ разумѣлся не Мунаревъ.

[24]) Слѣдовательно, она не могла простираться къ теперешней Звенигородкѣ, какъ думаетъ Барсовъ и, кажется, Петрушевичъ.

[25]) Ип. подъ 1151 г., стр. 305; въ сп. Хлѣбн. и Ког. Бужскій. — Мы думаемъ, что онъ тождественъ съ Божскимъ, упомянутымъ въ лѣтописи XIII стол. въ числѣ городовъ Болоховской земли. Божьскій 1151 г., очевидно, = Божскому (ин. Бужьскій, Бужескъ, Бузско, Бузко), встрѣчающемуся незадолго передъ этимъ въ той же лѣтописи (подъ 1146 г.—стр. 234, 1147 — 243 стр., 1148 — стр. 257 и 258). Послѣдній же былъ отдаваемъ князьямъ во временное владѣніе три раза вмѣстѣ съ Межибожьемъ (Ип., 234, 243 и 257), а два раза — вмѣстѣ съ Котельницею (ibid. 243 и 257), причемъ изъ лѣтописнаго текста можно замѣтить, что онъ находился невдалекѣ отъ Межибожья и, во всякомъ случаѣ, былъ ближе къ этому городу, чѣмъ къ остальнымъ тремъ, также составлявшимъ территорію надѣла, но, къ сожалѣнію, не названнымъ въ лѣтописи. Въ лѣтописи говорится такъ: „Изяславъ же, водивъ Всеволодича Святослава хресту, и да ему *Бужьскый и Межибожье* 5 городовъ... Тогда же Всеволодичь Святославъ держаше у Изяслава *Божьски* и *Межибожие*, Котелницю, а всихъ пять городовъ...“ (Ип., 243). Божскій въ оба раза соединенъ посредствомъ связующаго союза *и* съ Межибожьемъ, а Котельница и др. города ставятся рядомъ безъ этого союза; притомъ въ первый разъ, кромѣ этихъ двухъ городовъ, другіе вовсе не названы. Точно также, въ смыслѣ взаимной близости по мѣсту нахожденія, въ перечнѣ Болоховскихъ городовъ, Губинъ соединенъ съ Кобудомъ (Ип., 526: „Деревичь, *Губинъ и Кобудъ*, Кудинъ, Городѣць, Божьскый, Дядьковъ.“). Божьскый и Межибожье ставятся рядомъ и въ третьемъ случаѣ. Изъ предложенія Изяслава Ростиславу Юрьевичу: „иди въ Божьскый... постереви землѣ Руской оттолѣ“ (Ип., 258) видно также, что этотъ Божьскый съ окружавшею его территоріею находился въ украинной полосѣ отъ Половцевъ. Итакъ, Божскій 1146—1151 гг. по Ип. сп. находился, по всѣмъ соображеніямъ, въ той самой мѣстности, гдѣ въ XIII стол. была земля Болоховцевъ, а такъ какъ, кромѣ Божскаго

Digitized by Google

лоховская земля лежала къ югу отъ Хомора [26]), вблизи этой рѣки [27]) и города Каменца,

---

послѣднихъ, въ этомъ столѣтіи другаго не упоминается, то и нужно оба эти города считать однимъ. — Отъ Божскаго, о которомъ мы ведемъ рѣчь и который, какъ мы видѣли, иногда называли также Бужскимъ (Бузскомъ и Бузкомъ; см. выше) должно отличать Бужьискъ, или Бужескъ (въ XII Бузкъ и Бускъ), или Бужьскъ, который ни въ одномъ спискѣ лѣтописи не имѣетъ варіантовъ съ буквою *о* въ первомъ слогѣ и который, по лѣтописнымъ указаніямъ, находился гораздо западнѣе. Какъ первое названіе произошло, вѣроятно, отъ корня Богъ (рѣка), такъ второе отъ корня Бугъ. Употребленіе названія Богъ въ тѣ времена для рѣки этого имени несомнѣнно (см. Лавр., 344; въ поученіи Мономаха: „и на Богъ идохомъ"; ibid., 241), но, кажется, нѣкоторые тоже самое слово выговаривали: Бугъ; отсюда варіанты и въ названіи Божскій. Переходъ *о* въ *у* мы замѣчаемъ и въ другихъ названіяхъ: такъ, къ слову Поросье въ Хлѣбник. и Погод. сп. мы находимъ варіантъ Порусье (см. Ип. 329 и 612), встрѣчаемъ Добно и Дубно (Ип., 272). Тоже колебаніе звуковъ и въ томъ же самомъ корнѣ встрѣчается и въ настоящее время. Одна гора въ Кременецкомъ уѣздѣ слыветъ то подъ именемъ Бужьей, то подъ именемъ Божьей. Варіантъ Бужья, еслибы онъ не велъ своего начала изъ глубокой старины, странно было-бы встрѣтить при религіозномъ почитаніи, которымъ освящена эта гора (см. Wołyń pod względem statystycznym, historycznym i archeologicznym, przez Tad. Jerz. Steckiego. Serya 2-ga, Lwów, 1871, str. 88—89). Равнымъ образомъ Меджибожъ называютъ иногда Межибужьемъ. — Въ Бужскѣ, который долженъ былъ лежать на пограничьи Галицкой и Владимирской земель, заперся Давыдъ передъ Володаремъ. Этотъ же городъ лѣтопись разумѣетъ и подъ гг. 1168 и 1173. Но неизвѣстно, тотъ-ли самый Бужскъ, или какой иной, былъ захваченъ Владиміркомъ. Во всякомъ случаѣ, захватъ со стороны послѣдняго относился не къ Божскому. Божскій въ XII стол. принадлежалъ къ Кіевской землѣ (Котельница, съ которою его отдавали въ надѣлъ, была въ Кіевской области). На принадлежность къ ней Божскаго есть и прямое указаніе: когда Изяславъ лишилъ Ростислава Юрьевича данныхъ прежде городовъ, въ томъ числѣ и Божскаго, Юрій сказалъ: „тако ли мнѣ части нѣту *въ Руской земли*, и моимъ дѣтемъ?" (Ип., 262). Бужскій, отнятый Владиміркомъ у Изяслава, какъ и другіе города, отхваченные у послѣдняго (Шумскъ, Тихомль, Выгошевъ и Гноиница. Ип., 313) принадлежалъ къ территоріи Владиміро-волынской. Всѣ эти пункты были взяты Владиміркомъ въ 1150 году. Лѣтопись сообщаетъ подъ этимъ годомъ, что, на возвратномъ пути изъ Кіева въ Галичъ, Владимірко, прогнавъ изъ Дорогобужа Мстислава Изяславича, „отъя городы всѣ" (обратимъ вниманіе, что въ лѣтописи нѣтъ ни слова о какихъ-нибудь захватахъ со стороны Владимірка до прихода его къ Дорогобужу, т. е. до перехода Горыни; Изяславъ претендовалъ вслѣдъ затѣмъ на владѣніе по Горынь); „идя и приде к Лючьску . . . . . и не може что створити, и иде в Галичь" (Ип., 281). Кромѣ этого захвата, на который Изяславъ тотчасъ же сталъ заявлять жалобы, о другихъ не упоминается, и мы имѣемъ полное право думать, что города, о которыхъ велись переговоры въ 1152 г., — въ томъ числѣ и Бужскъ, были тѣ самые, о которыхъ лѣтопись сообщаетъ подъ 1150 г. Послѣ взятія же послѣднихъ Владиміркомъ, Изяславъ, не владѣвшій тогда Кіевомъ, говорилъ: „стрый ми волости не дасть, не хочеть мене в Руской земли, а *Володимеръ Галичьской*, по его велению, *волость мою взялъ*, а опять къ Володимерю моему хочеть прити на мя" (Ип., 281—282). Подъ 1168 годомъ лѣтопись сообщаетъ, что въ

Digitized by Google

стоявшаго, кажется, у устьевъ ея въ Случь [28]) и бывшаго пограничнымъ городомъ Да-

---

Бужскѣ сидѣлъ Ярополкъ Изяславичъ (Ип., 361). Если этотъ городъ — тотъ самый, который былъ захваченъ Владиміркомъ — а сомнѣваться въ этомъ нѣтъ основаній, такъ какъ лѣтопись не дѣлаетъ ни малѣйшихъ разграниченій — то, значитъ, онъ отошелъ отъ Галича. Впрочемъ, вѣроятно, онъ скоро былъ возвращенъ, потому что Владиміръ Ярославичъ, прося Червна у Святослава Мстиславича въ 1173 году, говорилъ: „аже ти сяду въ Галичи, то Бужьскъ *твой* возъворочю и 3 городы придамъ к тому" (Ип., 384). Изъ слова *твой* можно, кажется, заключать, что Бужскъ былъ вновь отнятъ Галичанами уже у Святослава. Тотъ же Бужскъ, бывшій къ западу отъ Божскаго, разумѣется въ Ип. сп. и подъ 1233 г.: Даніилъ съ Владиміромъ Рюриковичемъ пошли на Венгровъ, отступавшихъ отъ Перемышля къ Галичу; „Василко же и Олександръ приде ко брату и спяшася в Бужьска" (Ип., 513). — Въ Галицко-волынской лѣтописи встрѣчается еще два раза Бозкъ. Можетъ быть, во второмъ случаѣ (см. Ип., 511) вмѣсто Бозка нужно поставить Белзъ — варіантъ, находящійся въ Хлѣбн. и Погод. спискахъ, весьма заслуживающій уваженія и, во всякомъ случаѣ, имѣющій такое же право на принятіе, какъ и чтеніе, удержанное въ текстѣ, но все-таки Бозкъ другаго мѣста останется несомнѣннымъ. Какъ близко это названіе ни подходитъ къ названію Божскаго, вмѣсто котораго въ нѣкоторыхъ спискахъ иногда встрѣчается Бузко, однако невозможно допустить, чтобы оба эти названія обозначали одинъ и тотъ же городъ. Во 1-хъ, трудно предположить, чтобы одинъ и тотъ же дѣеписатель или редакторъ, какого должно принять для Галицко-волынской лѣтописи (см. наше изслѣд. о княженіи Даніила Галицкаго, стр. 3) различно назвалъ одинъ и тотъ же пунктъ, въ добавокъ хорошо ему извѣстный, въ разсказѣ о событіяхъ, случившихся на очень непродолжительномъ разстояніи другъ отъ друга (Бозкъ упоминается въ описаніи событій 1209 и 1231 гг. по Ип. сп., а Божскій подъ 1241 г.). Во 2-хъ, Бозкъ 1209 г. никакъ не можетъ быть пріуроченъ къ Божскому по своему мѣстоположенію; этотъ Бозкъ былъ на дорогѣ Мстислава Пересопницкаго, когда онъ шелъ къ Галичу; дѣлать лишніе обходы, избравъ путь на Божскій, не было повода. Точно также и Даніилу не приходилось поворачивать къ р. Богу въ 1231 г. по Ип. списку, когда театръ военныхъ дѣйствій былъ у Буга. Въ лѣтописи читаемъ, что одинъ изъ Даніиловыхъ воеводъ, *Мирославъ*, убоявшись Венгровъ, „створи миръ с королемь безъ совѣта князя Данила и брата его Василка; рядомъ же *дасть Бельзъ и Червенъ Олександру*. Королеви же посадившу сына своего Андрѣя в Галичи с(ъ)вѣтомъ невѣрьныхъ Галичанъ. *Мирославу же запревъшуся*, „*яко родомъ Червна не предалъ есмь имъ*", порокъ же ему имуще великъ отъ обою брату. — — *коромо стоящу во Володимѣря*, князь же Данилъ прия великъ плѣнъ, около Бозку воюя (Ип., 510—511). — Въ лѣтописи упоминаются еще Бужковичи (Ип., 588), существующіе и теперь (во Владимірскомъ уѣздѣ).

[26]) „Придоша Галичане на Каменець и вси Болоховьсции князи съ ними, и повоеваша по Хомору, и поидоша ко Каменцю".

[27]) У самого Хомора тянулся лугъ, не принадлежавшій, кажется, къ Болохову: „Олександръ убоявъся злаго своего створения, поиде ко тьсту своему Киевъ; Данилъ же увѣдавъ, изыде на нѣ изъ Галича, угони и во Полопомь, и яша и въ лузѣ Хоморьскомь" (Ип., 514). Побережье Хомора было, кажется, на пограничьи Болоховской земли. Самые южные Волынскіе города съ этой стороны, упомянутые въ лѣтописи, лежали на Хоморѣ. Это — Микулинъ [тотъ,

Digitized by Google

ніиловыхъ владѣній въ концѣ двадцатыхъ годовъ XIII стол. [29]). Потомъ мы видимъ Каменецъ во власти Михаила [30]). Къ сѣверу отъ Болохова долженъ былъ быть, далѣе, Колодежный, а также Потетеревье, начиная съ поворота Тетерева къ востоку. Къ востоку отъ Болоховскихъ княжествъ находились Городокъ и Сѣмоць [31]), расположенные параллельно теченію этой рѣки по направленію къ сѣверу [32]), а за ними Котельница. При-

---

который встрѣчается и въ Ип. сп. (стр. 365) подъ 1169 г.; есть Микулинъ на Горыни, къ сѣверу отъ Гощи, но тотъ не можетъ быть принятъ въ разсчетъ] и Полонное. Г. Соловьевъ (II, прим. 78) упоминаетъ о м. Микулинцахъ Винницкаго уѣзда, но это едвали основательно. Въ Кіевскомъ уѣздѣ есть с. Микуличи, являющееся уже въ актахъ XV-го стол.

[28]) Судя по лѣтописному тексту, Каменецъ не могъ находиться къ востоку отъ Колодежна, на мѣстѣ теперешняго Каменя; онъ долженъ былъ быть на западномъ берегу Случи, —тамъ, гдѣ теперь Каменка, противъ мѣст. Мирополя (къ тому же выводу пришелъ и г. Барсовъ), или же на мѣстѣ теперешней Каменки, находящейся невдалекѣ отъ Увѣтохи (послѣднее менѣе вѣроятно); третья Каменка, которая сѣвернѣе, не подходитъ сюда. — Р. Каменку и деревню Каменку встрѣчаемъ и въ Житом. у. — Упомянутый въ лѣтописи Каменецъ является еще у Гваньини, который помѣстилъ его въ Волынской землѣ: **Kamieniec munitio, in colle sita** (**Sarmatiae Europeae descriptio. Alex. Guagnini. Spirae MDLXXXI. Fol. 59**); о Каменцѣ Подольскомъ Гваньини говоритъ въ другомъ мѣстѣ.

[29]) Ип., сп. подъ 1228 г.: „... обсѣдоша Каменець".

[30]) Ип., 521. Полн. собр. р. лѣт., т. VII, 144. Ник. III, 5.

[31]) Данилъ, послѣ воеванія Болохова, „веснѣ же бывши, посла сына своего Шварка на Городокъ и Сѣмоць и всѣ городы сѣдящия за Татары, Городескъ и по Тетерево до Жедечева". Ип. 555. Положеніе упомянутаго здѣсь городка пока неопредѣлимо. Вмѣстѣ съ г. Барсовымъ, древній Городокъ, съ наибольшею вѣроятностію, можно пріурочить къ теперешнему Райгородку Бердичевскаго уѣзда, затѣмъ его можно полагать или на мѣстѣ Городка, стоящаго у впаденія р. Самца въ Гопчицу, или на мѣстѣ Самгородка. Упомянемъ еще о Вирнигородкѣ и Халаимъгородкѣ (все въ Бердичевск. у.) и о двухъ Городищахъ (одно въ Житомирскомъ у., друое въ Сквирскомъ). — Положеніе Сѣмоця также не можетъ быть обозначено съ полною увѣренностію. Сюмаловка Новоградвол. уѣзда лежитъ слишкомъ далеко на сѣверѣ, а Семяки Винницкаго у. слишкомъ удалены на югъ. О Симаковцахъ, находящихся въ Галиціи, не можетъ быть и рѣчи. Сіомаки Летичевскаго уѣзда — въ центрѣ древней Болох. земли. Семаки Заславскаго уѣзда не подходятъ къ Сѣмоцѣ лѣтописи 1257 г., ходя могли бы быть приняты во вниманіе для Сѣмоця 1172 г. Остаются Семки Литинскаго у. и въ особенности Семаки Житомирск. и Симаки Хмѣльницкаго. — Поселенія съ подобными названіями были и въ восточной Россіи. См. „Матеріалы" г. Барсова, стр. 183—184. — Неизвѣстно, гдѣ находился и Жедечевъ. Жидовцы Сквирскаго у., Жидовцы-Булаи Бердическаго у., Жидовская Гребля Таращанскаго и Жидовчикъ того же уѣзда сюда не идутъ. Ближе всего подходитъ дер. Жидовцы Бердичевскаго уѣзда при ручьѣ, впадающемъ въ Гнилотетъ, какъ ближайшая къ Тетереву.

[32]) Значитъ, теченіе Тетерева до поворота его къ востоку могло принадлежать Болоховской землѣ.

Digitized by Google

луки, бывшіе нѣсколько южнѣе этихъ пунктовъ, въ XII стол. принадлежали къ Кіеву [33]); куда они относились въ XIII стол., неизвѣстно, такъ какъ мы не находимъ ихъ въ числѣ городовъ, упомянутыхъ въ лѣтописяхъ этого стол. Въ XII стол. не принадлежала къ Болохову, повидимому, и Копела, находившаяся къ западу отъ земли Черныхъ Клобуковъ, но въ XIII вѣкѣ предѣлы Болохова могли расшириться съ этой стороны, и точно обозначить ихъ нѣтъ никакой возможности. Къ югу Болоховская земля не могла простираться далеко по Богу, потому что ясно отличается лѣтописью отъ ниже лежавшаго Побожья, не принадлежавшаго къ ней и составлявшаго совершенно отдѣльную территорію. Вдоль этой рѣки Болохово могло тянуться только отъ загиба ея на югъ до Межибожья, которое въ XIII стол. было сначала Галицко-Волынскимъ городомъ [34]), а потомъ хотя и не принадлежало Романовичамъ, но не было однако и въ предѣлахъ Болоховской земли, отъ которой находилось къ западу [35]). Со стороны послѣдняго границы Болоховской земли должны были тянуться вдоль Волыни [36]) и Галиччины съ ея Понизьемъ [37]):

[33]) „Приде Володимеръ и взя Прилукъ". Лѣтоп. по сп. Лавр., 1146 года, стр. 296. Повидимому, былъ и другой Прилукъ. См. Соловьева II, прим. 89.

[34]) Данiилъ и Василько „пустиста Ярослава и даста ему Перемиль и потомь Межибожие". Ип., 502. Подъ 1234 г. лѣтопись въ числѣ галицкихъ бояръ назвала „Бориса Межибожьскаго". (Ип., 515).

[35]) Данiилъ „сгадавъ с братомъ и со сыномъ, посла Деонисия Павловича, взя Межибожие, потомъ же воевахуть людье Данилови же и Василкови Болоховъ, а Львови Побожье и люди Татарьскыя" (Ип., 555). Болохово воевалъ отрядъ князей, которыхъ владѣнія занимали сѣверную половину Галицко-волынской территоріи, а Побожье—отрядъ Львовскаго князя. Очевидно, Болохово было ближе къ Данiиловымъ и Васильковымъ владѣніямъ, чѣмъ къ Львовымъ, и находилось къ сѣверу отъ Побожья. Это мѣсто лѣтописи представляетъ самое вѣское доказательство въ пользу несостоятельности того мнѣнія, которое располагаетъ Болоховскую землю по теченію Бога: вдоль этой рѣки Болоховская земля тянулась на весьма незначительномъ разстояніи; она не могла спускаться далѣе загиба р. Бога на югъ, потому что тогда не была бы на дорогѣ изъ Галича въ Кіевъ. Подъ Побожьемъ лѣтописи, кажется, должно разумѣть земли по Богу именно отъ этого загиба. Въ XII стол., когда упоминается Болохово, это Побожье, повидимому, не было еще колонизовано Русскимъ племенемъ (сл. ниже). Русскіе занимали, кажется, только верховья Бога, гдѣ былъ Межибожье. Другое дѣло—побережье Днѣстра.

[36]) Такъ выходитъ по смыслу лѣтописнаго извѣстія, приведеннаго въ предыдущемъ примѣчаніи. Тогдашнія владѣнія Данiила и Василька могутъ быть опредѣлены довольно точно. Подъ 1261 г. передано извѣстіе, что, по приказанію Татаръ, „Левъ розмета Даниловъ Истожекъ, оттолѣ же пославъ, Львовъ розмѣта, а Василко пославъ Кремянѣць розмета и Луческъ".

[37]) Ип. сп. подъ 1189 г. упоминаетъ о восточной „украйнѣ Галичькой", на которой Ростиславъ Берладникъ „взя два города Галичькыи" (Ип., 447), но, къ сожалѣнію, не выразился опредѣленнѣе, гдѣ именно была эта украйна.

Digitized by Google

отсюда-то союзъ Болоховцевъ съ Венграми и Ростиславомъ, пытавшимся отнять Галичъ у Даніила [38]). Болоховская земля никогда не отождествлялась и всегда отличалась отъ спускавшагося внизъ по Днѣстру до моря Понизья, начинавшагося у Бакоты [39]), которая была главнымъ его городомъ и, со времени Татарскаго владычества, находилась на пограничьи Даніиловыхъ владѣній отъ Татарскихъ [40]). Кромѣ Межибожья, выдававшимся пограничнымъ пунктомъ Галицко-волынской земли со стороны Болохова былъ Стожекъ [41]). — Наконецъ, въ половинѣ XIII стол. съ Болоховскою землею были какъ-будто смежны земли Чарнятинцевъ и Бѣлобережцевъ [42]), но, къ сожалѣнію, неизвѣстно,

---

[38]) Ип., 511, 516 и 526.

[39]) Ип., 525. — Въ 1223 году Галицкія суда спустились по Днѣстру въ Черное море, а оттуда поднялись по Днѣпру.

[40]) Понизье получило свое названіе отъ положенія по отношенію къ Галицко-русскому нагорью, съ которымъ оно тѣсно связано въ географическомъ отношеніи. Это усматривается не изъ одного источника. Извѣстный Гильберъ де-Лаппуа говоритъ: «Et de Lombourg, passant parmy *la Russie la haute,* m'en alay en *Lopodolie*...» [Зап. Од. общ. ист. и др., т. III (Одесса 1853), 437]. Понизье было тѣсно связано съ Галичемъ, къ которому принадлежало, какъ можно заключать на основаніи показанія Эдризи (Lelewel, Polska wieków średnich, II, Poznań 1847, 390—391), и въ половинѣ XII стол. Въ сѣверо-восточной Россіи былъ свой „Низъ“ (ин. „Низовьская земля“). Въ южной Руси названіе Низа было перенесено потомъ на побережье южнаго теченія Днѣпра. На границѣ Галиччины съ „полемъ“ былъ Онутъ (Ип., 491; теперешнее сел. Онутъ у р. Днѣстра; тамъ же есть и ручей Онутъ. „Матеріалы для географіи и статистики Россіи“, собр. офиц. Ген. Штаба. Бессарабская область. Сост. А. Защукъ. С.Пб. 1862, стр. 20). Затѣмъ на южной границѣ Галицкой земли находились Кучелминъ (два раза упоминается) и Ушица. Галицкая земля простиралась „отъ Боброкы доже и до рѣкы Ушицѣ и Прута“ (Ип., 506). По Густ. лѣтописи, главнымъ городомъ Понизья былъ какъ бы Каменецъ Подольскій: „и посади Мстиславъ Белю зятя своего въ Галичу, а самъ сяде въ Каменци Подолскомъ“ (П. с. р. л. II, 336). Въ Галицко-волынск. лѣтописи этому мѣсту соотвѣтствуетъ слѣдующее: „Мьстиславъ дасть Галичь королевичю Андрѣеви, а самъ взя Понизье; оттуда иде къ Торьцкому“. Ип., 501. — Болоховская земля могла соприкасаться съ Понизьемъ. Но послѣднее едвали доходило въ XII стол. до р. Бога, если тогдашнія лѣтописи записали, что Половцы два раза удалялись за эту рѣку (см. ст. Бѣляева въ III т. Зап. Од. общ. ист. и др., стр. 31).

[41]) Въ лѣтописи нѣтъ упоминанія о какомъ-нибудь Гал.-волынскомъ городѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, который былъ бы восточнѣе Стожка. Недалеко отъ м. Теофиполя есть Даниловка, но это едвали лѣтописный Даниловъ. — Кременецъ и Бакота тоже какъ будто были самыми видными пунктами владѣній Романовичей на восточной окраинѣ.

[42]) „Шварко же приде поимавъ городы вся, и по немь придоша Бѣлобережцѣ и Чарнятинци и вси Болоховци къ Данилу“. Ип., 555. Впрочемъ, придавая выраженію „и вси Болоховци“ смыслъ: „словомъ, всѣ Болоховцы“, „и остальные Болоховцы“, можно думать, что Бѣлобережье и Чарнятинъ были отдѣльные, выдававшіеся округа Болохова. Ходаковскій, кажется, такъ и думалъ.

Digitized by Google

на которой онѣ находились изъ трехъ окраинъ Болохова: на западной ли, на южной, или же на восточной [43]). Что касается меня, то я склоненъ думать, что Бѣлобережье и Чарнятинъ были къ западу отъ Болохова и находились у верховьевъ Случи.

[43]) Къ сѣверной онѣ едвали могли прилегать: тамъ нѣтъ ни одного поселенія, которое могло бы напоминать эти мѣстности, да и гдѣ ихъ тамъ расположить, если принимать въ соображеніе лѣтописи? — Судя по тому, что лѣтописи не говорятъ о подчиненіи Бѣлобережья и Чарнятина въ первый походъ Даніиловой рати на земли, подчинившіяся Татарамъ, должно думать, что Бѣлобережье и Чарнятинъ были къ востоку отъ Болохова (опять просимъ читателя обратиться къ не разъ уже цитированному нами мѣсту Ип. сп. подъ 1257 г., имѣющему огромную важность въ нашемъ вопросѣ). Къ юго-востоку и востоку отъ полагаемой нами для Болохова территоріи, дѣйствительно, есть нѣсколько Чарнятиновъ (Чернятинъ и Чернятинская слобода къ югу отъ Ровна, Б. Чернятинъ и просто Чернятинъ невдалекѣ отъ Самгородка въ Бердичевскомъ у., Чернятинцы въ Хмѣльницкомъ; Чернятинъ въ Таращанскомъ у. не можетъ быть принятъ во вниманіе), а на Богѣ мы нашли Березно. Но, если нѣтъ препятствій относить территорію древняго Чарнятина за Богъ, то этого нельзя сказать о Бѣлобережьи. Въ Галицко-волынской лѣтописи упоминается мѣстность такого названія еще въ слѣд. строкахъ: „По тѣх(ъ) же лѣтѣхъ движе рать Андрѣй королевичь на Данила (Даніилъ былъ тогда въ Кіевѣ), и иде к Белобережью. Володиславу же ѣхавшу во сторожѣ отъ Данила ис Кыева, и стрѣте рать во Бѣлобережьи, и бившимся имъ о рѣку Случь, и гониша до рѣкы Деревное изъ лѣса Чертова“ (Ип., 510). Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, какая рѣка разумѣлась тутъ подъ названіемъ Деревной: Деревичка ли, впадающая въ Случь съ лѣвой стороны, или же иная (въ Ровенскомъ у. есть сел. Деревено). Во всякомъ случаѣ, все заставляетъ думать, что Даніиловъ воевода повернулъ обратно къ Кіеву, а не ко Владимиру Вол. (отступалъ не королевичъ, а онъ; см. „Княженіе Даніила Галицкаго“ 61, прим. 1). Зубрицкій (III, 115) утверждаетъ противное, но, если соглашаться съ нимъ, то можно предложить вопросъ, какимъ образомъ, потерпѣвши пораженіе, Владиславъ направился въ сторону откуда шли его враги? Онъ былъ посланъ Даніиломъ для развѣдокъ о непріятелѣ („Володиславу же ѣхавшу *во сторожь* отъ Данила ис Кіева“... Ип., ibid.), а не ко Владимиру, гдѣ былъ оставленъ Василько („Данилови же снемшуся съ братомъ“), и, слѣдовательно, не имѣлъ надобности пробиваться непремѣнно туда. Далѣе: Чертовъ лѣсъ, бывшій на дорогѣ изъ Кіева во Владиміръ (Ип., 280) и начинавшійся у праваго берега Случи, — кажется, противъ Возвягля [точно опредѣлить его положеніе мы не можемъ; замѣтимъ только, что гранитныя возвышенія по берегамъ Случи у мѣстныхъ жителей называются Чертовыми греблями (Вол. Губ. Вѣд. 1868, № 116); невдалекѣ отъ Тетерева, къ западу отъ него, въ Житом. у. есть урочище Черты],—не переходилъ Ушы, къ которой онъ подходилъ у Ушьска (теперь. Ушично или же Ушомиръ), а оттуда еще далеко до Бѣлаго Берега Радомысльскаго уѣзда, стоящаго у Ирши, близъ впаденія ея въ Тетеревъ. — Толкуя, что Даніиловъ воевода направился къ западу, необходимо предположить, что Бѣлобережье находилось невдалекѣ отъ Чертова лѣса. Допуская же, что походъ Владислава имѣлъ противоположное направленіе, т. е.—что Владиславъ уходилъ на Чертовъ лѣсъ, можно двояко опредѣлять положеніе Бѣлобережья, упомянутаго въ приведенномъ мѣстѣ лѣтописи: оно находилось или у самой Случи, на берегу ея, противоположномъ тому, который былъ со стороны

Digitized by Google

Вотъ все, что можно извлечь изъ лѣтописей для опредѣленія мѣстности, въ которой была расположена Болоховская земля.

Кіева, и Венгры вступили въ битву съ Владиславомъ лишь только онъ показался, или же оно находилось гдѣ-нибудь за Случью, если идти изъ Кіева, не на особенно далекомъ отъ нея разстояніи, и Владиславъ успѣлъ уйти до рѣки, прежде чѣмъ они его догнали. При послѣднемъ предположеніи, неизвѣстно, обращаться ли къ среднему теченію Случи, у котораго проходилъ Чертовъ лѣсъ, или же къ ея верховьямъ, отъ которыхъ Даніиловъ воевода также могъ уходить на этотъ лѣсъ, разсчитывая укрыться въ немъ (преслѣдованіе въ этомъ лѣсу было какъ будто неудобно; см. Ип., 281: „послаша по Изяславѣ... и гониша по нихъ до Чертова лѣса"). Невдалекѣ отъ этихъ верховьевъ мы встрѣчаемъ: Берегели и Берегелинцы (въ Староконстантинопольскомъ уѣздѣ), Бережинцы и Бережесть (въ Острожскомъ) и — на верховьяхъ Горыни—Бережанку (въ Кременецкомъ у.). Бѣляевъ располагалъ Бѣлобережье именно у верховьевъ Случи. Лѣтопись, кажется, благопріятствуетъ такому толкованію: обѣ стороны бились „о рѣку Случь": лѣтописецъ какъ бы хотѣлъ сказать, что онѣ держались долго у ея береговъ, что̀ естественно было при отступленіи Владислава на сѣверъ, отъ верхняго теченія Случи. Вспомнимъ при этомъ, что королевичъ шелъ на самого Даніила („движе рать Андрѣй королевичь *на Данила*... рекшу же Данилу князю Володимеру: „брате! вѣдаюче обѣю наю *идуть* наю"....), бывшаго тогда въ Кіевѣ. По справедливому объясненію Зубрицкаго (III, 116), „цѣль Андреева похода была, очевидно, въ пользу Михаила Черниговскаго, чтобы отвлечь Даніила отъ вспомоществованія Владиміра Кіевскаго". Для чего же, послѣ этого, королевичу, шедшему *изъ Галича*, понадобилось идти болѣе длинною дорогою (этотъ путь къ Кіеву направлялся на Тихомль, Шумскъ, Пересопницу, Дорогобужъ, Корческъ, Ушескъ, Мичьскъ, Воздвиженье, Бѣлгородъ; см., напр., Ип,, 276) и двигаться сначала на сѣверъ, а потомъ подъ прямымъ угломъ поворачивать на востокъ, когда онъ могъ идти чрезъ землю своихъ союзниковъ Болоховцевъ (былъ путь и чрезъ эту землю)? Подобное движеніе можно было бы объяснить лишь тѣмъ, что онъ на дорогѣ уже соединился съ принявшимъ его сторону Александромъ Белзскимъ, но изъ-за этого ему не стоило избирать такой путь. Да и Владиславъ, посланный для развѣдокъ, долженъ былъ держаться ближе къ мѣстностямъ, изъ которыхъ могла грозить опасность, т. е. къ галицкой границѣ. Не мѣшаетъ замѣтить здѣсь, что „отъ истоковъ Случи до м. Острополя," на протяженіи 115 верстъ и 100 сажень, она протекаетъ по пространству осадочныхъ породъ міоценовыхъ и древне-мѣловыхъ напластованій („Вол. Губ. Вѣд." 1868, № 94). „Южнѣе м. Ляховецъ обильно расположенъ и обнаруживается бѣлый мѣлъ по всѣмъ прибережнымъ р. Полквѣ мѣстностямъ" (Ibid., № 109). Точно также и въ другихъ мѣстахъ, ближайшихъ къ верховьямъ Случи и по самой Случи. См. Геологическо-геогностич. очеркъ Вол. губ. Г. Оссовскаго въ „Трудахъ Волынскаго Губ. Стат. ком.", вып. I (Житомиръ, 1867), стр. 273—274. — Изъ сказаннаго ясно, какъ мало вѣроятно предположеніе г. Погодина, стоящаго за теперешнее Бѣлобережье Дубенскаго уѣзда: послѣднее удалено на значительное разстояніе отъ Случи и отдѣляется отъ нея двумя рѣками, въ томъ числѣ одною довольно значительною — именно Горынью. Точно также не подходятъ къ лѣтописному Бѣлобережью: Берегъ Дубенскаго уѣзда, Бережцы Кременецкаго и Владимирскаго (ихъ четверо) и—по причинѣ слишкомъ сѣвернаго положенія—Бережницы на р. Горыни.—Г. Барсовъ („Матеріалы", стр. 20)

Digitized by Google

Если обратиться теперь къ поселеніямъ, носящимъ одно имя съ Болоховскими городами, то изъ ряда ихъ тѣ только, по нашему мнѣнію, могутъ быть признаны стоящими на территоріи древней Болоховской земли, которыя находятся въ границахъ, указанныхъ лѣтописью если не вполнѣ ясно, то все-таки довольно приблизительно.

Посмотримъ же, есть ли такія.

принимаетъ мнѣніе Зубрицкаго, по словамъ котораго (III, 115, прим. 94) „Бѣлобережьемъ называлась окрестность около рѣки Случи" вообще. „Множество подобноименныхъ мѣстностей по Случу, говоритъ г. Барсовъ, какъ то: *Березники* (Бережки?), *Березно*, *Березdичи* и т. д. подтверждаютъ догадку Зубрицкаго. Но эта догадка произвольна. Указываемыя г. Барсовымъ мѣстности по Случу лежатъ лишь въ сѣверной части ея теченія, куда, какъ мы сказали, едвали могли идти Венгры, а заключать на основаніи названій этихъ мѣстностей, что окрестности Случи назывались Бѣлобережьемъ на протяженіи всего ея теченія, нѣтъ основаній. Во 2-хъ, въ корнѣ приводимыхъ г. Барсовымъ названій совсѣмъ другая основа, чѣмъ въ словѣ Бѣлобережье, хотя и слово берегъ превращается въ *берези*: Бѣлобережье какъ разбираемаго нами мѣста, такъ и начальной лѣтописи не называется Бѣлоберезьемъ, какъ угодно писать его г. Барсову, ни въ одномъ лѣтописномъ спискѣ. Великую Березну мы встрѣчаемъ также на Хоморѣ, на Корчикѣ—Берездовъ, въ Кременецкомъ уѣздѣ есть Бржезна и Березина, — Вотъ что мы нашли возможнымъ сказать о Бѣлобережьѣ, упомянутомъ въ Галицко-вол. лѣтописи подъ 1231 г. — Раждается вопросъ: то ли самое упомянуто и подъ 1257 годомъ? Поставленіе въ этомъ мѣстѣ лѣтописи жителей Бѣлобережья рядомъ съ жителями Чернятина (слѣдовъ котораго нѣтъ сѣвернѣе Хомора) и Болоховцами позволитъ отвѣчать на это утвердительно только въ случаѣ отнесенія Бѣлобережья 1231 г. къ верховьямъ Случи. Тамъ же мы встрѣчаемъ сгруппированными на небольшомъ пространствѣ: Чернятинъ великій, Чернятинокъ (Заславскаго уѣзда), Чернелевку (Старо-Константинопольскаго у.) и Чернелевскую слободу (того же уѣзда); изъ нихъ о Чернятинѣ Заславскаго уѣзда намъ извѣстно, что онъ существовалъ уже въ XVI стол. („Вол. Губ. Вѣд." 1868, № 6). Но легко могло случиться, что названіе Бѣлобережья и тогда, какъ и теперь, прилагалось къ нѣсколькимъ мѣстностямъ. Кромѣ упомянутаго Бѣлаго Берега Радомысльскаго уѣзда и Бѣлобережья Дубенскаго, намъ извѣстно Бѣлобережье въ предмѣстіи Владимира Волынскаго, встрѣчающееся уже въ актѣ XVI стол. („Архивъ юго-западной Россіи", ч. I, т. I, стр. 372). Изъ лѣтописей видно, что Бѣлобережьемъ встарину называли берегъ подлѣ Килійскаго устья Дуная (Лѣт. и. Лавр. сп., 50 и 72. Соловьевъ, I, прим. 230); кромѣ того, въ нашихъ лѣтописяхъ упоминается еще Днѣпровская Убережь (Ип., 456). Въ XV стол. Бѣлобережье упоминается гдѣ-то на востокѣ литовскихъ владѣній. Въ одной подложной грамотѣ Льва Даниловича указываются Бѣлые Берега въ Галиціи („Гал. ист. сборн." II, 171. У Эриха Лассоты (**Tagebuch des Erich Lassota von Steblau, Halle 1866, S. 207**) встрѣчаемъ Бѣлобережье на правомъ берегу Днѣпра, въ двухъ миляхъ отъ Чигирина. — Въ 1621 г. дер. *Бѣлые Берега* была надана Степанскому мон. („Кіевлянинъ" 1850: „О городѣ Степанѣ". Цит. въ „Вол. Еп. Вѣд." 1867, стр. 81). — Въ Польшѣ былъ свой Бялобржегъ — въ теперешней Радомской губ., и оттуда былъ родомъ извѣстный католическій епископъ Каменца Подольскаго — Мартинъ Бялобржевскій.

Digitized by Google

Таковыми оказываются: Деревичи и Губинъ Волынской губерніи [44]) и Кудинка Подольской [45]). Съ меньшею долею вѣроятности можно поставить вмѣсто этихъ пунктовъ Губино Бердичевскаго у. [46]), Кодню Житомирскаго [47]) и Буду Губичу Проскуровскаго [48]). Затѣмъ: Бутовцы Новоградволынскаго уѣзда [49]) *напоминаютъ* лѣтописный Кобудъ, которое-нибудь изъ Городищъ Житомирскаго уѣзда стоитъ, можетъ быть, на мѣстѣ лѣтописнаго Городца, а Дьяковцы Литинскаго уѣзда [50]),—на мѣстѣ лѣтописнаго Дядькова.

По мнѣнію г. Барсова, на мѣстѣ нынѣшняго Забужья, расположеннаго у рѣки Бога ниже Межибожья, могъ находиться древній Божскій. По смыслу лѣтописныхъ упоминаній объ этомъ городѣ, онъ, дѣйствительно, находился невдалекѣ отъ Межибожья [51]) и можетъ быть отыскиваемъ у самой рѣки Бога; лѣтописи не позволяютъ только полагать его южнѣе загиба этой рѣки, потому что тогда Божскій былъ бы слишкомъ не по дорогѣ къ Кіеву и значительно удалился бы отъ Межибожья; притомъ, въ половинѣ XII стол., когда о немъ говорятъ нѣсколько разъ лѣтописи, побережье Бога, начиная съ поворота его на югъ, не было еще колонизовано славяно-русскимъ племенемъ, которое встрѣчается тамъ гораздо позже [52]). Мы позволимъ себѣ однако замѣтить, что теперешнее

[44]) Деревичи—въ Новоградволынскомъ у.; тамъ же есть Слобода Деревичи; Губинъ — въ Староконстантиновскомъ уѣздѣ; неподалеку отъ него — Губча. О мѣстномъ преданіи Деревичъ (что тамъ прежде былъ городъ, разоренный Татарами) см. въ Географич. Слов. Семенова.

[45]) Въ Летичевскомъ уѣздѣ.

[46]) Остатки огибавшихъ это селеніе валовъ, высотою до 372 саж., и рвовъ, длиною до 500 саж., замѣтны и нынѣ. Фундуклей, стр. 43. Похилевичъ, „Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи", Кіевъ 1864, 272.

[47]) Она упоминается въ актахъ уже около 1415 г. (А. З. Россіи, I, № 26, стр. 37).

[48]) Она лежитъ къ востоку отъ Проскурова, невдалекѣ отъ Бута, вблизи Пироговецъ.

[49]) Въ актахъ намъ извѣстно упоминаніе Бутовцовъ въ началѣ XVII стол.

[50]) Впрочемъ, на этомъ послѣднемъ сближеніи мы не настаиваемъ. — Дядьковцы упоминаются въ источникахъ довольно рано.

[51]) См. выше.

[52]) Поэтому мы и оставляемъ въ сторонѣ Богополь, находящійся у Бога невдалекѣ отъ Ольвіополя, и Бугское, находящееся у той же рѣки противъ Вознесенска (Херсонской губ.).— Уже при Мономахѣ за Росью на Богу были Половцы (лѣт. по сп. Лавр., 241). Подъ 1171 г. въ Лавр. сп. (стр. 344) сообщается, что Половцы, ограбивъ западную часть Кіевской земли, ушли за Богъ: значитъ, проходъ черезъ послѣдній былъ свободенъ. Они опустошили тогда земли „за Кыевомъ", т. е. находившіяся прямо на западъ отъ него (сл. лѣт. по Ип. сп. подъ 1172 г.: „Половци ... здумаша: „.... поидемъ за Кыевъ, возмемъ села и поидемъ с полономъ в Половцѣ; и ѣхаша за Кыевъ воеватъ. И приѣхаша *к Полоному*, к святѣй Богородицѣ граду к десятиньному, и к Сѣмычю; и възяша села безъ учета с людми ..." Стр. 379—380); слѣдовательно, уходя послѣ грабежа, они должны были переправиться черезъ Богъ довольно вы-

Digitized by Google

названіе Забужья едвали могло произойти отъ слова Божскій. Оно принадлежитъ къ тому разряду мѣстныхъ именъ, къ которому относятся: *Забуча* у р. Бучи въ Кіевской губ., *Застугна* — у Василькова, *Заслуцкое* у рѣки Случи (невдалекѣ отъ Староконстантинова; тамъ же Закузьминское); въ Полтавской губ. мы знаемъ *Загруновку*, Запсёлье (два села), Засулье (тоже два). Назовемъ далѣе: лѣтоп. Зарѣчьскъ—тепер. Зарѣцкъ въ Ровенскомъ уѣздѣ, Заброды въ Житомирскомъ, Заставье у Клеваня, Залужье, Залѣшаны и Залисцы, Загорцы, Зарудье (въ нѣсколькихъ мѣстахъ), Загробелу въ Галиціи и множество т. п. Самое Забужье встрѣчается еще въ уѣздахъ Ровенскомъ и Брацлавскомъ; въ Кременецкомъ есть рѣка Забужина, въ Ровенскомъ сел. Збуже, а у с. Городска Радомысльскаго уѣзда мы нашли ручей Збужокъ.—Какъ на мѣсто, на которомъ могъ быть древній Божскій, мы, съ своей стороны, укажемъ на находящееся *вблизи Буга* селеніе Божиковцы Летичевскаго уѣзда, названіе котораго, путемъ постепенныхъ преобразованій въ разговорной рѣчи (примѣровъ этихъ преобразованій есть немало) могло очень легко произойти отъ слова Божскій. По своему положенію, эти Божиковцы вполнѣ подходятъ къ древнему Божскому. Они, какъ и Забужье, расположены невдалекѣ отъ Межибожья и приблизительно также стоятъ на прямой линіи, которую можно провести отъ Галича къ Кіеву. Замѣтимъ еще, что, при перечисленіи пяти городовъ, которые въ половинѣ

соко. Г. Погодинъ принимаетъ поправку этого мѣста на основаніи Татищева, предложенную Арцыбашевымъ, который вмѣсто Буга ставитъ р. Уголъ („Изслѣд.“ V, 146), но это неосновательно. — Подъ 1185 г., при описаніи похода Русскихъ князей на Половцевъ, въ Воскресенской лѣтописи говорится: „и перешедше рѣку искаша ихъ 5 дній“. Эта рѣка въ рукописи Воскресенской и Алатырской названа Босъ, въ Карамз. Босе, а въ Арх. Богъ; въ Лавр. Уголъ. У Татищева встрѣчаемъ подъ 1159 г. слѣдующее извѣстіе: „Владимиръ Андреевичь согласясь съ Ярославомъ Изяславичемъ и Ярославомъ Галицкимъ, пошли на пришедшихъ Половцевъ *въ ихъ области по Днестру и къ Острогу*, встрѣтя ихъ между Мунарева и Яполчемъ, многихъ Половцевъ избили и Руской полонъ возвратили“ („Исторія Россійская“, кн. III, стр. 121). Тутъ пограничными оказываются области по Днѣстру и около Острога. — Что касается Побережья Днѣстра, то оно было во власти Русскихъ на всемъ своемъ протяженіи и упоминается, повидимому, даже у арабскихъ писателей. У Ibn-Sa'id Maghriby, между прочимъ, читаемъ: «A l'est (de *l'île des hommes*) se trouve la grand île (presqu'île) des Slaves, qui a environ 700 milles de longueur sur à-peu-près de 300 de largeur, et qui renferma des montagnes et des fleuves. Le chef lieu de cette presqu'île est la ville de Boulghâr, qui a donné son nom aux Boulghârs. Le poin le plus reculé où aboutit l'Océan, le long de cette côte, est la ville (la capitale) des Russes, qui sont une nation indomptable. Il a dans cette partie (de la terre) un grand nombre de pays barbares sur le bord du fleuve de Dnecht (Dniester?) qui est un des fleuves (les plus considérables) du monde et qui se jette dans la mer du coté du nord». «Mém. de l'Acad. Imp. des sciences de St.-Pet. VI-me série. T. II, 4 et 5 livraison (S.-Pet. 1834), p. 334. Сл. Ibn. Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. Von C. M. Frähn. Pet. 1823, s. 32.

Digitized by Google

XII стол. Изяславъ три раза отдавалъ князьямъ во временное владѣніе на югозападной окраинѣ Кіевской земли, Божскій постоянно ставится впереди; за нимъ слѣдуетъ Межибожье, а за послѣднимъ Котельница. Очевидно, перечисленіе всегда производилось въ одномъ порядкѣ: отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Соотвѣтственно этому, и Божиковцы лежатъ на югозападѣ отъ Межибожья. Поручая Ростиславу Юрьевичу наблюдать, чтобы Половцы не грабили Русской земли, Изяславъ отправилъ его не въ Межибожье, которое также принадлежало этому князю, а въ Божскій: изъ этого видно, что послѣдній былъ ближе къ степямъ. Тоже можно сказать и о Божиковцахъ по отношенію къ Межибожью. — Кромѣ Божиковецъ, мы могли бы указать еще на Бозулинцы и на Богудзянку [53]).

Заканчивая перечень поселеній, которыя, если не съ полною, то все-таки съ значительною вѣроятностію, могутъ быть признаны стоящими на мѣстѣ одноименныхъ съ ними или подобноименныхъ городовъ Болохова, мы скажемъ, что отголосокъ этого Болохова, можетъ быть, слышится въ названіи Борушковецъ, села Новоградволынскаго у. (въ лѣтописи къ Болохову находимъ варіантъ Бороховъ).

Итакъ, тамъ, гдѣ, заключая на основаніи лѣтописныхъ извѣстій, должно помѣстить Болоховскую землю, и въ настоящее время есть три поселенія, названія которыхъ *совершенно* согласуются съ именами трехъ изъ семи упомянутыхъ лѣтописью Болоховскихъ городовъ; тамъ же есть села, напоминающія, по своимъ названіямъ, остальные города. Во всякомъ случаѣ, достаточно и того, что нашлось три поселенія: съ того времени, когда лѣтопись занесла на свои страницы имена Болоховскихъ городовъ, прошло 600 съ лишнимъ лѣтъ, и мало ли переворотовъ видѣли тѣ края, не разъ лишавшіеся жителей, вмѣстѣ съ которыми исчезали безслѣдно и ихъ селища? Тѣже изъ послѣднихъ, которыя уцѣлѣвали, являлись мало по малу, съ преображенными именами, иногда совершенно не похожими на прежнія [54]).

Всѣ отмѣченныя нами мѣстности лежатъ въ одной сплошной территоріи, на ко-

[53]) Въ своихъ „Матеріалахъ“ (стр. 16) г. Барсовъ указалъ на с. Бузовку въ Тарапанскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, на правомъ берегу Тикича Горнаго, — „съ едва замѣтными остатками древнихъ валовъ. Въ окрестностяхъ сохранилось преданіе, что Бузовка была когда-то многолюднымъ и богатымъ городомъ и называлась „Бузъ“. Но Божскій, о которомъ ведется рѣчь, и который былъ наданъ Давыду Игоревичу вмѣстѣ съ Дубномъ и Черторыйскомъ, едвали отстоялъ такъ далеко на востокъ отъ этихъ пунктовъ; находясь на мѣстѣ Бузовки, онъ былъ бы въ чрезполосности съ владѣніями остальныхъ князей. Другія извѣстія о Божскомъ также не дозволяютъ относить его такъ далеко на юго-востокъ. — Къ древнему Божскому не подходитъ и Буханка, село у впаденія ручья этого имени въ Тикичъ.

[54]) Примѣровъ, за множествомъ ихъ, мы не приводимъ. Польскіе паны переименовывали иногда поселенія по своему вкусу.

Digitized by Google

торой, судя по лѣтописямъ, въ половинѣ XIII столѣтія не могло быть владѣній, принадлежавшихъ кому-нибудь иному, кромѣ Болоховцевъ, и которая находится на границахъ, указанныхъ лѣтописью для Болохова.

Порядокъ, въ которомъ расположены эти поселенія, соотвѣтствовалъ тому, который можно вывести изъ лѣтописи для Болоховскихъ городовъ. Отправившись однажды наказывать Болоховскую землю за отпаденіе ея, Даніилъ началъ опустошеніе ея, очевидно, съ сѣверныхъ ея частей и постепенно шелъ къ югу [55]); при осадѣ одного изъ самыхъ полуденныхъ ея пунктовъ — Дядькова — къ нему явился на помощь его печатникъ, отстаивавшій передъ тѣмъ Бакоту отъ напавшаго было на нее Ростислава Михаиловича. Такимъ образомъ, Деревичъ, названный первымъ въ ряду Болоховскихъ городовъ, разоренныхъ Даніиломъ, долженъ былъ быть самымъ сѣвернымъ изъ нихъ. Точно также въ ряду выбранныхъ нами мѣстностей самымъ сѣвернымъ оказывается нашъ Деревичъ. Въ лѣтописи за Деревичемъ слѣдуютъ: Губинъ и Кобудъ, Кудинъ [56]), Божскій, Дядьковъ; у насъ также постепенно спускаются къ югу: Губинъ и Бутовцы, Кудинка, Дьяковцы, Божиковцы.

Еслибы мы удалили Болоховцевъ изъ означенной нами территоріи, то мы не нашли бы кѣмъ замѣстить ее, и пришлось бы предположить, что между областями Галича, Волыни, Кіева и Русскими поселеніями по Богу оставалось пустое пространство.

Все это утверждаетъ насъ въ мысли, что Болоховская земля лежала именно въ предѣлахъ, очерченныхъ нами на основаніи лѣтописныхъ указаній, т. е. была расположена по верховьямъ Бога и по притокамъ обѣихъ его сторонъ до поворота его на югъ, по верхнему теченію Случи до впаденія въ нее Хомора и по верховьямъ Тетерева и его притокамъ не далѣе Гниломета. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, Болохово находилось въ пунктѣ соприкосновенія древнихъ земель Галицкой, Волынской и Кіевской и занимало южную часть теперешняго Новоградволынскаго уѣзда, восточную часть уѣз. Староконстантиновскаго и Проскуровскаго, весь уѣздъ Летичевскій и, можетъ быть, также югозападную часть Житомирскаго и западную Бердичевскаго. Въ теперешней Кіевской губерніи оно могло простираться и далѣе на востокъ, но мы не можемъ положительно утверждать это.

---

[55]) Непосредственно передъ тѣмъ онъ былъ на сѣверѣ своихъ владѣній (см. Ип., 524—525), гдѣ онъ постоянно пребывалъ со времени Татарскаго нашествія; для прекращенія же безпорядковъ на юго-востокѣ, которые производили тамъ бояре, Даніилъ послалъ печатника Кирилла съ отрядомъ пѣхоты и конницы. Слухъ о новой попыткѣ Ростислава заставилъ его самого отправиться на югъ. Что онъ шелъ съ сѣвера, видно также изъ слѣдующихъ словъ лѣтописи: „Василько же князь осталъ бѣ стеречи землѣ отъ Литвы, послалъ бѣаше вое свое со братомъ". Ип., 526.

[56]) Городецъ мы опускаемъ.

Digitized by Google

Остальныя мѣстности югозападнаго края, названія которыхъ сходны съ названіями Болоховскихъ городовъ, но не перечисленныя нами, не могутъ быть отнесены въ границы древней Болоховской земли и своими именами обязаны, по большей части, вѣроятно тому, что были заселены первоначально Болоховцами. Во вторую половину своего княженія Даніилъ ревностно заботился объ увеличеніи населенности въ своихъ владѣніяхъ, которыя лишились огромнаго количества жителей при татарскомъ разгромѣ, и, между прочимъ, осаживалъ въ своей землѣ военноплѣнныхъ. Туже, вѣроятно, участь имѣли и захваченные имъ во время опустошенія Болохова [57]). Отсюда-то, можетъ быть, ведутъ начало Болоховичи въ Луцкомъ уѣздѣ и Болоховъ, Болеховъ и т. п. [58]) въ Галиччинѣ. По сообщенію В. Б. Антоновича, о Болоховцахъ упоминается даже въ одной галицкой пѣснѣ, но, къ сожалѣнію, мы незнакомы съ этой пѣснею и потому не можемъ сказать, какихъ она разумѣетъ Болоховцевъ, и отголосокъ какой эпохи составляетъ это упоминаніе: времени ли удѣльно-вѣчеваго уклада, или періода, когда Болоховцы являются удалыми торговцами; равнымъ образомъ, по указанной причинѣ, мы не беремся рѣшить, чему приписать появленіе Болоховцевъ въ этой пѣснѣ, поселенію ли ихъ въ Галиччинѣ, или же какимъ-нибудь столкновеніямъ и сношеніямъ съ Червоноруссами.

Особенно много мѣстностей съ именами, похожими на имена Болоховскихъ городовъ, встрѣчается въ Ровенскомъ уѣздѣ и вообще въ средней Волыни [59]). Затѣмъ онѣ

[57]) Лѣтопись говоритъ: „Данилъ же возьма плѣнъ многъ вратися“... „плѣнивъ землю Болоховьскую и пожегъ“. Ип., 526. „Богъ возмездье имъ дасть, яко не оста ничтоже во градѣ ихъ, еже бысть не пленено“. Ibid., 527.

[58]) На нихъ указалъ уже Петрушевичъ. „Гал. ист. сб.“, вып. II, стр. 110, примѣч. 25. Въ описаніи путешествія въ Турцію польскаго посольства въ 1557 году, принадлежащемъ Отвиновскому, читаемъ: «Po obiedzie wołoskim ruszyliśmy się od Chocimia, nocleg w polu pod Bołochowcami, pokarm w Czebrówce za Prutem» (Biblioteka Polska. Serya na rok 1860. Zeszyt 9. Podróże i poselstwa polskie do Turcyj. Przygotowane do druku z rękopismu przez J. Kraszewskiego. Wyd. Kaz. Józ. Turowskiego. W Krakowie. 1860. Str. 9). Подъ этими Болоховцами, бывшими между Хотиномъ и Прутомъ, можетъ быть, должно разумѣть теперешній Галицкій Болоховъ, а можетъ быть, иное какое-нибудь однородное съ нимъ поселеніе. Что касается „поля“, упомянутаго подъ Болоховцами, то это слово употреблено здѣсь въ теперешнемъ смыслѣ, а не въ смыслѣ степи (сл. тамъ-же: «Przez Busko pokarmowałem *w polu*, i nocleg w polu przed Nowosławicami»). Послы постоянно кормили лошадей и ночевали въ полѣ.

[59]) Мы нашли: въ Ровенскомъ уѣздѣ — Деревянное, Губковъ (о немъ см. у Стецкаго: Wołyń pod względem statystycznym, historycznym i archeologicznym, t. I, Lwów 1864, str. 279—280), Городокъ, два Городища, Збуже, Дядьковичи (этого имени два селенія); въ Дубенскомъ — Божкевичи и Коблинъ; во Владимирскомъ — Губинъ, Божевъ и Божанку; въ Заславскомъ — Губельцы и урочище Городецъ (недалеко отъ сел. Миньковецъ, въ 3-хъ верстахъ отъ Бачмановки. „Еп. Вѣд.“ 1867, стр. 108); въ Новоградволынскомъ — Кудиновичи; въ Луцкомъ —

Digitized by Google

есть въ губерніяхъ Кіевской и Подольской [60]). Это, можетъ быть, зависѣло отчасти отъ многократности колонизаціи южной Руси.

II.

Обращаемся къ анализу чисто-историческихъ данныхъ относительно Болоховской земли.

Тутъ мы постарались также собрать и сопоставить всѣ лѣтописныя извѣстія, не оставляя безъ вниманія ни единой черты.

Опредѣленіе происхожденія и времени появленія Болоховскихъ князей еще затруднительнѣе уясненія мѣста ихъ жительства; о послѣднемъ въ лѣтописи находимъ довольно ясные намеки; о первомъ же приходится догадываться, съ трудомъ улавливая лѣтописныя данныя, косвенно наводящія на рѣшеніе вопроса. Несловоохотливый на этотъ разъ лѣтописецъ, который не особенно, впрочемъ, и благоволилъ къ Болоховцамъ, не догадывался, что, чрезъ какихъ-нибудь 600 лѣтъ, читая его разсказъ о вѣроломствѣ Болоховскихъ князей, будутъ задаваться вопросомъ о самомъ происхожденіи ихъ, о которомъ онъ не сказалъ ни слова.

Слѣды существованія Болоховской земли съ этимъ отдѣльнымъ названіемъ замѣчаются въ лѣтописи впервые въ половинѣ XII стол. Подъ 1150 г. въ Ипатскомъ спискѣ читаемъ: „и приде Изяславу вѣсть оже Володимиръ перешелъ *Болохово*, идеть мимо Мунаревъ къ Володареву“ [61]).

Въ то время, какъ и послѣ, населеніе этой земли, по всѣмъ соображеніямъ, принадлежало къ чисто Русскому племени, а не къ Половцамъ, или вообще къ какимъ-нибудь инородцамъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ [62]).

Губинъ (въ актахъ упоминается уже въ XVI стол.) и Городецъ; въ Овручскомъ — Городецъ. Всѣ эти мѣстности лежатъ къ сѣверу отъ границы Даніиловыхъ владѣній съ территоріею Болохова. Послѣднее не могло быть за Горынью, на которой были Даніиловы города Тихомль, Гнойница, Изяславль, и за Хоморомъ, о которомъ выше.

[60]) Въ Радомысльскомъ уѣздѣ, невдалекѣ отъ Чернобыля, есть Губинъ; въ Уманскомъ—Городецкое; въ Звенигородскомъ—Бужанка. Въ Подольской губерніи, въ Ушицкомъ уѣздѣ, гдѣ должно было быть Понизье, встрѣчаемъ Деревяны, Губаръ, а въ Винницкомъ—Кудійовцы.

[61]) Ип., 278.

[62]) По мнѣнію Зубрицкаго (III, 138), Болоховцы образовались изъ смѣси крещеныхъ Половцевъ и русскихъ бѣглецовъ или плѣнниковъ, причемъ преобладающимъ остался половецкій элементъ. — Съ Зубрицкимъ соглашается и г. Барсовъ („Очерки“, прим. 110, стр. XXXIV).— Г. Шараневичъ („Ист.“, 104) признаетъ Болоховцевъ чистыми Половцами. Но съ Половцами ли рядомъ ставятся они въ лѣтописи?

Digitized by Google

Лѣтопись не даетъ ни малѣйшаго повода къ такого рода предположеніямъ: она всегда трактуетъ Болохово какъ Русскую землю, ни единымъ словомъ не намекая на иноплеменность его обитателей.

Эта иноплеменность немыслима и при соображеніи всѣхъ фактовъ, извѣстныхъ о Болоховѣ и его жителяхъ.

Во половинѣ XII столѣтія, какъ увидимъ ниже, Болоховскій край былъ еще несомнѣнно Русскимъ. Поселенія инородцевъ, если они имѣли въ немъ мѣсто, могли явиться только позже.

Но въ XII столѣтіи Болохово, какъ мы очертили его границы, было окружено Русскими землями почти съ трехъ сторонъ и вдавалось въ нихъ угломъ: съ запада къ нему прилегали галицкія владѣнія, съ сѣверо-запада и сѣвера — волынскія, съ сѣверовостока кіевскія; а вдоль Бога, по мнѣнію Лелевеля, тянулся торговый путь, шедшій отъ Луцка и Пересопницы къ устьямъ Днѣпра. Въ XIII вѣкѣ русскіе появились съ юговостока—въ Побожьи [63]). Въ тоже время, Болохово, какъ мы сказали, лежало на бывшемъ въ значительномъ употребленіи пути изъ Кіева въ Галичъ и, слѣдовательно, занимало важную стратегическую позицію. Неужели же послѣ этого Русскіе дозволили бы инородцамъ поселиться въ такомъ мѣстѣ и врѣзаться въ Русскія земли острымъ и длиннымъ клиномъ? Да и сами Половцы едвали выбрали бы такое сосѣдство.

Говорятъ, что это были Половцы крещеные, слѣдовательно, до извѣстной степени оцивилизовавшіеся; а оттуда де ихъ земледѣліе [64]), которое, видно, было у нихъ однимъ изъ главныхъ занятій и находилось въ цвѣтущемъ состояніи, если Татары обязали Болоховцевъ поставлять въ качествѣ дани въ орду пшеницу и столь любимое кочевниками [65]) просо; оттуда же отсутствіе со стороны Болоховцевъ набѣговъ [66]) и вообще незамѣтность въ нихъ свойствъ ихъ „дикихъ“ собратьевъ.

---

[63]) См. ниже.

[64]) Замѣтимъ, что о земледѣліи у Черныхъ Клобуковъ, а тѣмъ болѣе у Половцевъ, мы не нашли извѣстій.

[65]) По свидѣтельству Абу-Долефа (половины X-го вѣка), Печенѣги употребляли въ пищу одно просо. По сказанію Ибнъ-Даста, наиболѣе воздѣлывалось оно и у Славянъ. Тоже говоритъ и императоръ Маврикій (Ибнъ-Дастъ по изданію Хвольсона, С.Пб. 1869, стр. 48, 30 и 133). Это было одно изъ наиболѣе распространенныхъ культурныхъ растеній (сл. г. Гаркави „Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ“, С.Пб. 1870, стр. 86). По словамъ Броневскаго, Татарское простонародье употребляло въ пищу „толченое пшено, разведенное водою и молокомъ и называемое обыкновенно касса“ (Зап. Од. Общ. исторіи и древн., т. VI, стр. 356; сл. ibid., V, 823—824). Бопланъ также говоритъ, что Татары изъ кушаньевъ любили очень кашу.

[66]) О вторженіи Болоховцевъ въ Мазовію см. выше. Это единственный случай, занесенный

Digitized by Google

Но въ указанномъ нами мѣстѣ не поселили бы даже такихъ Половцевъ. Вспомнимъ, что въ княжествахъ Кіевскомъ, Переяславскомъ и Черниговскомъ такимъ инородцамъ отводились окраины. А еслибы почему-нибудь и поселили, то обязали бы извѣстнаго рода службою, между тѣмъ какъ Болоховцы являются совершенно независимыми и выступаютъ въ походы—очевидно, добровольно—[67]) развѣ съ Венграми, да съ такими Черниговскими князьями, которые никакъ не могли надѣлить ихъ тою землею [68]). Притомъ — вовсе не какъ служилые инородцы—они вообще рѣдко показываются на войнѣ и въ теченіе какихъ-нибудь 25 лѣтъ, они, по Галицко-волынской лѣтописи, всего три раза участвовали въ военныхъ предпріятіяхъ. Еслибы Половцевъ надѣлилъ землями самъ Данилъ, то лѣтопись упомянула бы о томъ, говоря о неблагодарности Болоховцевъ, но она этого не дѣлаетъ однако.

Изъ названій 7 упомянутыхъ въ лѣтописи Болоховскихъ городовъ только два позволяютъ сколько-нибудь сомнѣваться въ ихъ славянскомъ происхожденіи: мы разумѣемъ Кудинъ и Кобудъ; но и они еще могутъ оказаться славянскими послѣ филологическаго разбора, который мы предоставляемъ спеціалистамъ. Мы позволимъ себѣ только сказать, что Кобудъ, можетъ быть, нужно поставить въ связь съ древне-славянскимъ словомъ *кобь* [69]) или же *куда* [70]), а Кудинъ въ связь съ древне-славянскимъ *будъ* [71]). Въ XII столѣтіи въ Переяславской области было село Кудьново, а къ Кобуду въ настоящее время приближаются: Кобче Луцкаго уѣзда [72]), Коблинъ Дубенскаго, Кабатня Липовецкаго и

въ лѣтопись, когда Болоховцевъ можно заподозрить въ набѣгѣ просто съ цѣлью грабежа, но и этотъ фактъ, какъ мы видѣли, еще не разъясненъ.

[67]) Болеславъ Мазовецкій прямо указываетъ на ихъ независимость: „суть особнии князи". Ип., 527.

[68]) Болоховцы явились на сцену, когда Михаилъ и Ростиславъ еще не господствовали въ югозападной Руси. Могутъ сказать, что они помогали Черниговскимъ князьямъ въ благодарность за то, что были посажены ихъ отцами или родичами. Но въ Половцахъ трудно предположить такое долговременное чувство благодарности.

[69]) Теперь есть слово ко́ба (см. Словарь Даля, стр. 738). Печать Ратибора найдена недалеко отъ урочища Коба.

[70]) Слово *буда* встрѣчается и въ Ипатскомъ спискѣ (стр. 401). — *Будовать, буда* (поселеніе въ родѣ слободы) употребляется и теперь.

[71]) Отъ этого-то корня получило начало и прозваніе Куденевичъ для Демьяна богатыря, о которомъ упоминаетъ Ник. лѣтопись подъ 1148 г. (П. с. р. л. IX, 178). Съ Кудинымъ могутъ быть сближены: Кодинци Хорольскаго уѣзда, Кудинча — озеро Остерскаго уѣзда и рѣка Кудаша Ярославской губерніи.

[72]) Упомянуто въ актѣ 1585 года: „Архивъ юго-западной Россіи", часть I, томъ I, стр. 199.

Digitized by Google

Кобудъ и Кобызче Черниговской губерніи [73]). Само Болохово, можетъ быть, слышится въ названіи Белехова поля, бывшаго въ волости Владимира что̀ на Клязьмѣ [74]).

По образу жизни, Болоховцы нисколько не разнились отъ массы Руссаго населенія. Бывъ хлѣбопашцами, они имѣли и города съ деревянными постройками, укрѣпленные греблями, т. е. рвами и насыпями [75]). Дядьковъ градъ былъ взятъ Даніиломъ не сразу, а только когда къ нему явился на помощь его печатникъ съ 3000 пѣхотинцевъ и съ тремя стами конницы. Такимъ образомъ, земля Болоховцевъ имѣла благоустроенный видъ. Замѣтимъ, что, при описаніи опустошеній, произведенныхъ въ ней Даніиломъ, лѣтопись ни слова не говоритъ о захватѣ имъ стадъ, долженствовавшихъ составлять одно изъ

---

[73]) По преданію, сохранившемуся у мѣстныхъ жителей, Ставища Радомысльскаго уѣзда въ древности назывались Ковбыжъ.

[74]) У Татищева это поле названо Болоховымъ (кн. III, стр. 211). — Болохово могло произойти изъ корня *волох, волхъ*. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ памятниковъ встрѣчается Волоховецъ („Памятники Кіевской коммиссіи", II, отд. 1, 308: „Мельница подъ Иванъ-городомъ на р. Острѣ, у Волоховца"). Въ XV столѣтіи одинъ изъ князей назывался Болхъ, и отъ него выводятъ князей Болховскихъ. — Къ Болохову подходятъ еще: Балохы Луцкаго уѣзда, Болотьхова Мглинскаго, Булохово Остерскаго, Велихово (оз.) Ковельскаго и Велиховъ Луцкаго.

[75]) Даніилъ „*грады* ихъ *огневи* предасть и *гребля* ихъ *раскопа*". Г. Погодинъ думаетъ, что („Изслѣд." VII, М. 1856, 201—202), „греблею назывался и ровъ и насыпная (нагребенная) дорога черезъ ровъ. Такъ же думалъ и Карамзинъ. По мнѣнію Арцыбашева (Повѣствованіе о Россіи, т. I, М. 1838, № 1201), „слово гребля здѣсь [въ словахъ Ип. сп. подъ 1172 г. (они приведены у Карамзина: т. III, прим. 3): „и городъ его пожгоша, греблю роскопаша"] значитъ крѣпость: не было надобности раскапывать ни рва, ни плотины; но оплотъ, то есть крѣпость или валъ". На основаніи одного мѣста Ип. сп. подъ 1229 г. (стр. 504: „Станиславъ же Микуличь рече: Кде то мы стояли, ту нѣсть воды, ни гребле высоки") мы думаемъ, что греблею назывался, кромѣ плотины, не только простой ровъ, но ровъ съ насыпью надъ нимъ (см. Ип. 547, гдѣ „гребля" въ такомъ смыслѣ). Раскапывали эту насыпь, а не плотину, служившую для сообщенія; землею изъ вала, вѣроятно, засыпали рвы. По наблюденію Д. Я. Самоквасова, городища были обведены рвами и валами. Впрочемъ, можетъ быть, подъ греблями Болоховцевъ въ лѣтописи разумѣлся валъ на границѣ Болохова: лѣтопись говоритъ, что „не оста ничтоже во *градѣ* ихъ, еже бысть не пленено" (Ип., 527); передъ этимъ же шла рѣчь о многихъ Болоховскихъ городахъ. Г. Барсовъ („Очерки" etc., примѣч., стр. LXIV) склоненъ видѣть остатки южнаго порубежнаго укрѣпленія Болоховской земли въ Зміевомъ валѣ, „который, начинаясь у Екатеринополя (Кальниболота) верстахъ въ 15 къ югу отъ Звенигородки, тянется въ югозападномъ направленіи вдоль Гнилаго Тикича мимо сел. Латышовой (Звенигородскаго уѣзда), Свердликова, Нерубайки, Подвысокаго, Наливайки (Уманскаго уѣзда) къ Бугу и оканчивается у рѣки Кодымы въ Балтскомъ уѣздѣ". Но этотъ валъ, кажется переходитъ и за Днѣпръ. — Нѣкоторые валы тѣхъ мѣстностей были насыпаны во время польскаго владычества. Между Богомъ и Божкомъ есть валъ, насыпанный Турками [Statystyczne, topograficzne i historyczne opisanie gub. Podolskiey. T. I (Wilno, 1820), str. 84].

Digitized by Google

главнѣйшихъ богатствъ Болоховцевъ, еслибы они происходили отъ недавно осѣвшихся кочевниковъ, и не упоминаетъ также о вежахъ, а, конечно, не преминула бы сказать о томъ и другомъ въ случаѣ захвата [76]).

Наконецъ, Болоховцы, которымъ лѣтопись ни разу не даетъ эпитета, какимъ надѣляла инородцевъ (она ни разу не называетъ Болоховцевъ „погаными"), не замѣчаются ни въ какихъ связяхъ съ этими послѣдними, а готовность отдаться Татарамъ обнаружили не только они, но, какъ увидимъ, и жители краевъ, въ славянствѣ населенія которыхъ никто не можетъ сомнѣваться.

Потому-то, что они, Русскіе, отстали отъ своихъ собратій для того, чтобы съ полною готовностію служить поганымъ, былъ такъ разсерженъ на нихъ и Даніилъ, который „на нѣ болшую вражьду (держа), яко отъ Татаръ болшую надежду имѣаху" [77]).

Въ мѣстности, гдѣ послѣ выступаетъ Болоховская земля, уже въ 1100 году мы встрѣчаемъ Русскій городъ Божскій [78]). Значитъ, уже тогда она была занята славяно-русскимъ племенемъ, осѣвшимся тутъ съ той поры, когда его поселенія доходили до Чернаго моря [79]).

---

[76]) См., напр., Ип. 468, 498, 533; мы указываемъ только нѣсколько примѣровъ, но ихъ можно бы привести множество. — О Черныхъ Клобукахъ лѣтопись говоритъ не такъ, какъ о Болоховцахъ. У Клобуковъ, наряду съ городами, въ которыхъ они затворяли во время войны женъ и дѣтей, являются вежи (Ип., 296). — Мы беремъ только кочевниковъ, пришедшихъ въ болѣе близкія отношенія къ Русскому міру, а о нецивилизованныхъ Половцахъ нечего и говорить: ихъ бытъ достаточно извѣстенъ.

[77]) Ип., 526—527.

[78]) Лѣт. по Лавр. сп., стр. 264: „... посланнии же придоша к Давыдови и рекоша ему: „се ти молвять братья: ... се ти даемъ: шедъ сяди в Бужьскѣмь, въ Острозѣ, а Дубенъ и Черторыескъ то ти даеть Святополкъ, а се ти даеть Володимеръ 200 гривенъ, а Давыдъ и Олегъ 200 гривенъ". Вм. „Бужьскѣмь", который въ другой разъ въ томъ спискѣ подъ тѣмъ же годомъ названъ Божскимъ, въ сп. Радзивилловскомъ, Троицкомъ, Ип. стоитъ: „Божьскомъ"; въ Хлѣбн. и Погод.: „Бузскомъ". Г. Барсовъ соединяетъ слова „в Бужьскѣмь въ Острозѣ" и, вмѣсто двухъ, принимаетъ одинъ городъ — Бужскій Острогъ. Г. Соловьевъ противъ этого (II, прим. 133). Объ Острогѣ въ XII стол. упоминаетъ и Татищевъ (см. выше). Когда лѣтопись разсказываетъ, что Давидъ согласился на предложеніе князей, то объ Острогѣ не упоминаетъ, а говоритъ: „А Давыдъ сѣде Божьскѣмь, и посемь вдасть Святополкъ Давыдови Дорогобужь, в немже и умре" (Лѣт. по Лавр. сп., l. c.). Поэтому едвали вѣрно мнѣніе г. Барсова. — О томъ, что въ этомъ мѣстѣ лѣтописи разумѣлся Божскій Болоховской земли, свидѣтельствуетъ не только его названіе (Бужскъ, какъ мы видѣли, никогда не назывался Божскимъ), но и то, что онъ былъ отданъ Давыду сонмомъ всѣхъ князей, значитъ, былъ причисляемъ къ великому княжеству Кіевскому. Даръ Святополка изъ его собственно земель указанъ отдѣльно.

[79]) Этотъ край былъ заселенъ, вѣроятно, Тиверцами, о которыхъ въ XII-мъ столѣтіи напоминалъ, быть можетъ, Tiwer, встрѣчающійся у Эдризи (Lelewel, Polska wieków średnich, II,

Digitized by Google

Первоначальная исторія этого края также неизвѣстна, какъ и первая судьба многихъ другихъ.

Темны его судьбы и въ то время, когда онъ выдѣляется въ лѣтописи съ спеціально принадлежащимъ ему названіемъ.

Извѣстно, что то былъ вѣкъ дробленія и появленія въ качествѣ особенныхъ волостей даже весьма небольшихъ территорій. Является вопросъ: имѣло ли и Болохово своихъ отдѣльныхъ князей, изъ Владимірова ли рода, или изъ рода, господствовавшаго надъ этою землею еще въ до-историческія времена и продолжавшаго, какъ нѣкоторые думаютъ [80]), властвовать до Даніила, или же, наоборотъ, оно постоянно подчинялось непосредственному управленію князей какой-нибудь другой волости?

Къ сожалѣнію, не имѣя достаточныхъ данныхъ, мы не въ состояніи отвѣтить на это со всею положительностію.—Впрочемъ, намъ кажется, въ лѣтопись занесены факты, которые могутъ навести на отвѣтъ хоть сколько-нибудь.

Городъ Божскій, являющійся въ лѣтописи XIII столѣтія принадлежащимъ къ Болоховской землѣ и долженствовавшій быть на южной ея окраинѣ, въ XII вѣкѣ, вмѣстѣ съ Межибожьемъ, бывшимъ на западной границѣ Болохова [81]), входилъ въ составъ Кіевской земли. Не думаемъ, чтобы оба они составляли отрѣзанный ломоть. Необходимо предположить, что, съ своими округами, они прилегали къ другимъ Кіевскимъ владѣніямъ и связывались съ ними, по крайней мѣрѣ, узкою полосою земли, которая, въ такомъ случаѣ, непремѣнно должна была или пересѣчь на двое Болоховскую область, какъ мы очертили ея границы, или же совсѣмъ отхватить южную ея половину. Дѣйствительно,

---

Poznań 1847, 399; если такъ, то этотъ Tiwer могъ стоять на мѣстѣ теперешняго Тиврова). По лѣтописнымъ извѣстіямъ, Улучи и Тиверцы сидѣли по Днѣстру и Богу. Въ Ип. спискѣ и сходныхъ съ нимъ читаемъ: „а Улутичи, Тиверцы сѣдяху *по Бугу* и по Днѣпру, и присѣдяху къ Дунаеви; и бѣ множ(с)тво ихъ, сѣдяху бо по Бугу и по днѣпру". — Нарушевичъ полагалъ, что Tibiani Кадлубка и Богуфала означали Tyweranow (t. IV, изд. 1783, str. 38). Также готовъ былъ думать и Карамзинъ (I, прим. 70). Но въ Słowniczk'ѣ къ хроникѣ Викентія говорится: «tibianei — rodzaj zaciężnego wojska» (Monum. Pol. histor., II, 452). — По мнѣнію г. Барсова („Очерки", стр. 84), въ Побужьи Улучи сходились съ южными разселеніями Древлянъ. Позже верхнее Побужье, по мнѣнію г. Барсова (ibid., 118), было занято кочевниками. Весьма интересно было бы знать лѣтописныя свидѣтельства, на которыхъ утверждается это послѣднее мнѣніе г. Барсова. На стр. 120 г. Барсовъ выразился осторожнѣе.

[80]) Такое мнѣніе высказано кн. Долгоруковымъ въ его „Россійской родословной книгѣ" (ч. III, С.Пб. 1856, стр. 10): „Князья Болоховскіе были въ древней Россіи единственными удѣльными князьями, непринадлежавшими къ племени св. Владиміра. Отъ кого ведутъ они начало? отъ древнихъ ли владѣтелей Древлянскихъ, или отъ хановъ Половецкихъ, неизвѣстно..."

[81]) См. выше.

Digitized by Google

во всѣ три раза, когда, по упоминанію лѣтописей, эти города давались Кіевскими князьями въ отдѣльное владѣніе, они соединялись съ Котельницею и, слѣдовательно, составляли съ нею одну сплошную территорію. — Послѣ этого несомнѣнно, что, если не вся, то, по крайней мѣрѣ, половина Болоховской земли считалась Кіевскою и не имѣла отдѣльной княжеской линіи, такъ какъ Кіевскіе князья уступали ее кому хотѣли. — Замѣчательно, что этотъ край началъ составлять особенный участокъ какъ разъ въ то время, когда въ лѣтописяхъ появляется спеціальное названіе Болоховской земли; въ Кіевской землѣ, очевидно, онъ составлялъ какую-то отдѣльную группу городовъ. Къ сожалѣнію, два изъ нихъ ни разу не названы въ лѣтописяхъ, а между тѣмъ, быть можетъ, мы узнали бы въ нихъ Болоховскіе города, названные въ лѣтописи XIII-го столѣтія. Впрочемъ, первые слѣды обособленія этого края мы замѣчаемъ уже въ годъ Витичевскаго съѣзда, когда Божскій былъ отведенъ для жительства Давиду Игоревичу.

Въ XII столѣтіи мы не замѣчаемъ, чтобы Болохово заявляло какія-нибудь стремленія, подобныя тѣмъ, какія обнаруживало въ XIII, хотя, если они были, къ тому представлялось не мало удобныхъ случаевъ: напр., во время борьбы Юрія съ Изяславомъ Мстиславичемъ. Вообще въ XII вѣкѣ Болоховская земля не выказала себя рѣшительно ничѣмъ особеннымъ. Могутъ сказать, что ея князья молчали потому, что автономія ея не подвергалась никакой опасности. Но при Владиміркѣ Володаревичѣ Галичъ довольно явственно обнаруживалъ притязательныя стремленія относительно пограничныхъ земель, и мы не думаемъ, чтобы плодородное и имѣвшее немалую важность въ стратегическомъ отношеніи Болохово [82]) подлежало въ этомъ случаѣ исключенію. Въ концѣ XII-го и въ началѣ XIII стол. „самодержецъ всея Руси, одолѣвшій всимъ поганьскымъ языкомъ“ Романъ Мстиславичъ также не потерпѣлъ бы подъ бокомъ у себя самовольныхъ сосѣдей. Да и вообще въ XII вѣкѣ, вѣкѣ наибольшаго разцвѣта удѣльно-вѣчевой Руси [83]), родъ Владиміра св., достигшій въ то время господства надъ всѣмъ русскимъ славянствомъ и ревниво охранявшій свои на то првва [84]), не допустилъ бы неограниченнаго владычества инаго дома даже надъ небольшою частицею Русской земли [85]).—На основаніи всего этого мы думаемъ, что, если какая-нибудь часть позднѣйшей Болоховской земли, выдѣляясь

---

[82]) Оно лежало на прямой дорогѣ изъ Галича въ Кіевъ. Владимірко нѣсколько разъ шелъ тѣмъ путемъ.

[83]) Тогда совсѣмъ исчезаютъ и племенныя названія. Дреговичи упоминаются въ лѣтописяхъ еще подъ 1149 годомъ.

[84]) *Племенные князья* Вятичей, Ходота и его сынъ, должны были смириться уже въ XI стол. Лѣт. по Лавр. сп., 239.

[85]) Вся Русская земля представлялась отчиною господствовавшаго дома, и всякій князь могъ сказать подобно Изяславу: „мнѣ отцины въ Угрехъ нѣтуть, ни в Ляхохъ, токмо в Руской земли“ (Ип., 281).

Digitized by Google

изъ Кіевской волости, и имѣла отдѣльную княжескую линію, то послѣдняя держалась лишь подъ условіемъ признанія верховнаго владычества князей изъ дома Владиміра св.

Но, повторяемъ, все побуждаетъ предполагать, что такой отдѣльной линіи тамъ не было.

Съ явными признаками отдѣльнаго и независимаго существованія Болоховская земля выступаетъ во второй четверти XIII столѣтія [86]), и тутъ-то она и пріобрѣтаетъ для насъ особенный интересъ.

Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе ея князья.

Мы видѣли, какъ несправедливо относить жителей Болохова къ инородцамъ. Доказывая несостоятельность этого, мы тѣмъ самымъ опровергали и мнѣніе о половецкомъ происхожденіи Болоховскихъ князей, высказанное Зубрицкимъ и Шараневичемъ [87]).

На томъ основаніи, что, требуя выдачи этихъ князей отъ Даніила, князья Черниговской вѣтви, Михаилъ и Изяславъ, называли ихъ своею братьею [88]), Карамзинъ [89]) и Арцыбашевъ считали Болоховскихъ князей Ольговичами. Къ тому же склоняются и тоже повторяютъ и многіе новѣйшіе ученые [90]).

Но названіе Болоховскихъ князей братьею со стороны Михаила и Изяслава еще ничего не значитъ: нужно доказать, что оно должно быть принимаемо именно въ смыслѣ ихъ родства. Въ до-монгольскій періодъ князья титуловали другъ друга вообще братіею [91]); нерѣдко они такъже именовали иноземныхъ царственныхъ союзниковъ [92]) и даже членовъ дружины [93]). Такъже точно называлъ иногда князей народъ [94]), а они—лицъ народа [95]).

---

[86]) Болоховскіе князья въ лѣтописи упоминаются впервые подъ 1231 г.

[87]) См. выше примѣч. 62.

[88]) Ип., 516: „... нача посылати Михаилъ и Изяславъ, грозяча: „дай нашу братью, или пріидемь на тя войною".

[89]) „Ист. госуд. Росс.", III, прим. 346.

[90]) Соловьевъ, „Ист.", III, прим. 261. Забѣлинъ, „Опыты изученія р. древн. и ист.", ч. I, М. 1872, 541. Квашнинъ-Самаринъ, „По поводу Любецкаго Синодика", стр. 216.

[91]) Мстиславъ Владиміровичъ говорилъ Олегу: „не бѣгай никаможе, но пошлися къ *братьи* своей с молбою, не лишать тя Русьскые земли". Лѣт. по сп. Лавр., 232. См. затѣмъ стр. 252, 262. Братьею князья называли не только родъ, совокупность всѣхъ князей—родичей, но и другъ друга, безъ всякаго отношенія къ тому, были ли они какіе-нибудь братья, или нѣтъ; нерѣдко братьями называли другъ друга князья различныхъ линій.

[92]) Изяславъ говорилъ венгерскому королю и князьямъ чешскому и польскимъ: „а язъ вы реку: *братье*, съ Рожества Христова полѣзите на кони" (Ип., 269). Приглашая Мстислава Удалаго въ Галичъ, Лешко говорилъ: „*братъ ми еси*, пойди и сяди въ Галичѣ" (Ип., 489).

[93]) Святославъ говорилъ: „уже намъ сдѣ пасти; потягнемъ мужьски братья и дружино".

[94]) Лѣт. по сп. Лавр., 254.

[95]) Ibid., 259.

Digitized by Google

Далѣе: Болоховскіе князья не всегда непремѣнно помогали Черниговскимъ князьямъ въ борьбѣ ихъ съ Даніиломъ [96]).

Г. Соловьевъ замѣчаетъ: „Если это были дѣйствительно Ольговичи, то ихъ должно считать внуками Игоревыми, братьями родными или двоюродными Изяслава Владиміровича, которымъ удалось удержаться въ части Галицкихъ волостей послѣ несчастнаго 1208 года". Дѣйствительно, изъ Ольговичей только эти и могли быть въ Болоховѣ. Но мы спросимъ, какъ они утвердились тамъ.

Болохово никогда не принадлежало къ Галицкимъ владѣніямъ, а еслибы оно и было покорено галичанами, то галицкіе бояре, отстаивая постоянно цѣлость своей земли [97]) и восторжествовавши надъ Игоревичами въ самомъ Галичѣ, не позволили бы удержаться ихъ ненавистному для бояръ роду и въ какой-нибудь изъ галицкихъ провинцій, совершенно обособивъ ее. Могутъ сказать вмѣстѣ съ г. Квашнинымъ-Самаринымъ, что Игоревичи „получили удѣлы отъ Всеволода Чермнаго, бывшаго великимъ княземъ во время избіенія ихъ. Понятно, что онъ помѣсилъ своихъ родственниковъ въ западной части Русской земли, по сосѣдству съ Галичемъ, на который они имѣли притязаніе". Дѣйствительно, какъ видно изъ лѣтописей, Всеволодъ горячо принималъ къ сердцу бѣду своихъ родичей [98]), изъ которыхъ одинъ пособлялъ ему прежде въ борьбѣ за Кіевъ; но самъ Всеволодъ былъ изгнанъ изъ Кіева, а слѣдовавшіе за нимъ Кіевскіе князья не замедлили бы вытурить, какъ водилось постоянно, засѣвшихъ въ части Кіевской земли болѣе или менѣе чуждыхъ имъ князей. А еслибы этого не случилось, то осѣвшіеся внуки Игоря заявляли бы какъ-нибудь свою дѣятельность въ распряхъ за Кіевскій столъ,—распряхъ, которыя возбуждались постоянно Черниговскими князьями. Они не стояли бы особнякомъ отъ всякихъ дѣлъ въ теченіе какихъ-нибудь 20 лѣтъ.— Съ другой стороны, мы видимъ, что Болоховскіе князья были въ неразрывномъ союзѣ съ погубившими Игоревичей галицкими боярами и вовсе не добивались галицкаго стола. Г. Квашнинъ-Самаринъ при-

[96]) Напр., въ 1228 г. по Ип. сп. Болоховскіе князья не были съ Михаиломъ. въ 1255 г. они не сопутствовали Изяславу.

[97]) Это постоянная черта галицкой исторіи. Въ 1152 году бояре не допустили Ярослава Владимірювича возвратить Изяславу города, отнятые у него Владиміромъ.

[98]) По словамъ Новгородской лѣтописи (подъ 1214 годомъ), Всеволодъ „изгони . . . внукы Ростиславлѣ изъ Руси. такъ река: брата моя есте 2 князя повѣсили вы въ Галици, яко злодѣя, и положили есте укоръ на всѣхъ; и нѣту вамъ части въ Русьской земли". Тогда-то Всеволоду и была полная возможность надѣлить Кіевскими землями своихъ родичей, которые не владѣли еще Болоховымъ во время княженія въ Галиччинѣ: когда Владиміръ Игоревичъ былъ изгнанъ изъ Галича, онъ бѣжалъ въ Путивль. Но Всеволодъ самъ былъ изгнанъ изъ Кіева въ годъ изгнанія Ростиславичей и вскорѣ послѣ того скончался въ Черниговѣ. А послѣ него княжили Мстиславъ Романовичъ (1214—23) и Владиміръ Рюриковичъ (съ 1223 г.).

Digitized by Google

числяетъ къ Болоховскимъ князьямъ упомянутаго въ лѣтописи подъ 1255 г. Изяслава, пытавшагося отнять Галичъ у Даніила, но это неосновательно. По мнѣнію г. Квашнина-Самарина [99]), этотъ Изяславъ — сынъ Владиміра Игоревича, спасшійся бѣгствомъ отъ казни, постигшей Игоревичей въ Галичѣ [100]); онъ потому и сдѣлалъ попытку отнять Галичъ, что былъ изъ этого рода. Не приводя тутъ возраженій, какія представляются противъ отождествленія Изяслава 1255 г. съ Изяславомъ Владиміровичемъ [101]), мы скажемъ только, что Изяславъ 1255 г. ни разу не является въ связи съ Болоховцами [102]), и относить его къ нимъ—скорѣе дѣло фантазіи, чѣмъ строгаго историческаго повѣствованія. Тоже самое можно сказать и объ отношеніи къ Болоховскимъ князьямъ Ѳеодора, котораго Изяславъ послалъ „ко Солемь“ [103]). Вообще изъ извѣстныхъ намъ внуковъ Игоря, упомянутыхъ въ Любецкомъ синодикѣ и лѣтописяхъ нельзя никого помѣстить въ Болоховѣ, какъ нельзя никого выбрать туда и изъ остальныхъ членовъ дома Владиміра св. [104]).

Лѣтопись нигдѣ не намекаетъ на связь Болоховскихъ князей съ какою-нибудь вѣтвію этого дома.

Напротивъ, все заставляетъ думать объ особенности этого рода. Въ лѣтописи Болоховскіе князья обозначаются не такъ, какъ князья Владимірова дома, а совершенно отлично: они называются не по именамъ и отчествамъ (этотъ признакъ важнѣе, чѣмъ можно думать о немъ съ перваго раза), [105]) а прямо и исключительно упоминаются съ

---

[99]) Также думали Арцыбашевъ (кн. III, прим. 157) и Строевъ (см. Роспись V). Того же мнѣнія держится и Н. И. Костомаровъ („Р. ист.“, I, 148).

[100]) Ип., 486.

[101]) Г. Погодинъ („Изсл., л., з.“, VI, стр. 285) спрашиваетъ: „Неужели это все Изяславъ Володимеричь?“ — Думаютъ, что онъ боролся съ Даніиломъ и въ тридцатыхъ годахъ XIII-го стол. (Погодинъ, l. c., VI, 281. Арцыбашевъ—кн. II, пр. 2212—колеблются), хотя Изяславъ, державшій сторону Михаила, въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ называется Мстиславичемъ. Соловьева Исторія Россіи, III, прим. 264.—Въ пятидесятыхъ годахъ XIII стол. Изяславъ долженъ былъ быть въ преклонномъ уже возрастѣ.

[102]) Въ 1235 г. по Ип. сп. объ освобожденіи Болоховцевъ хлопоталъ не только Изяславъ, но и Михаилъ Черниговскій, а вѣдь послѣдняго никто не причислитъ къ князьямъ Болоховскимъ.

[103]) Ѳеодоръ также не названъ княземъ Болоховскимъ. Отрицаніе принадлежности его къ князьямъ Болоховскимъ не мѣшаетъ однако считать его, вмѣстѣ съ г. Квашнинымъ-Самаринымъ, родственникомъ Изяслава. Ѳеодоръ былъ посланъ Изяславомъ „ко Солемь“, можетъ быть, въ той надеждѣ, что хоть родичъ его спасется отъ Даніила.

[104]) Н. И. Костомаровъ также говоритъ, что нѣтъ возможности отыскать происхожденіе этихъ князей въ развѣтвленіи Рюрикова дома. „Р. ист. въ жизнеописаніяхъ важнѣйшихъ ея дѣятелей“, вып. I, стр. 134.

[105]) См. „Изслѣд.“ г. Погодина, VII, 446—447. — Подъ 1249 г. лѣтопись называетъ по

Digitized by Google

именемъ своей земли. Что это была особенная группа князей, видно и изъ политики ихъ: въ отношеніи къ Татарамъ они держали себя такъ, какъ ни одинъ изъ князей Владимірова рода.

Въ теченіе четверти столѣтія Болоховскіе князья вели самую упорную борьбу съ Даніиломъ Галицкимъ, которая, очевидно, отличалась тѣмъ же самымъ характеромъ, какой носило противодѣйствіе этому князю и со стороны другихъ князей южной Руси, напр. со стороны Владиміра Рюриковича и кн. Пинскихъ. Эта борьба имѣла цѣлью защиту автономіи. Даніилъ добивался отъ Болоховскихъ князей признанія верховной его власти, на этомъ условіи былъ готовъ оставить ихъ въ покоѣ и даже хлопоталъ за нихъ предъ Болеславомъ Мазовецкимъ, который, въ оправданіе своего желанія „разъграбити“ Болоховскихъ князей, поставлялъ Даніилу на видъ, что эти князья не подвластны Романовичамъ: въ случаѣ несогласія Болеслава освободить Болоховскихъ князей, Даніилъ, такъ какъ эти послѣдніе „обѣщали работѣ быти“ и „молились“ ему, намѣренъ былъ объявить польскому князю войну: „Данилъ же и Василко за нѣ хоти съ нимъ брань створити“ [106]). Давши Романовичамъ обѣщаніе повиноваться только въ надеждѣ освобожденія себя [107]), Болоховскіе князья, уже задолго до того предъусматривавшіе притязанія Даніила и принявшіе сторону враговъ его еще въ то время, когда онъ и не думалъ заявлять своихъ централизаторскихъ стремленій [108]), не перестали враждовать противъ него и теперь.

Несомнѣнно, что во всемъ этомъ они опирались на сочувствіе и поддержку со стороны населенія своей земли, въ массѣ котораго они совсѣмъ иногда скрывались [109]).

Итакъ, въ одной изъ южнорусскихъ земель, въ Болоховѣ, принадлежавшемъ къ областямъ, которыя признавали господство Владимірова дома [110]), въ XIII стол., ранѣе

именамъ и отчествамъ князей Черниговской линіи, помогавшихъ Ростиславу [см. Зубрицкаго „Ист. др. Гал.-р. княж.“, ч. I (Львовъ 1852), стр. 28]. Отчего же бы эта лѣтопись отступала отъ такого обычая, говоря о князьяхъ Болохова, если и они были изъ Черниговской линіи? Тогда должна была быть свѣжа еще память о родственности Болоховскихъ князей съ Черниговскимъ домомъ.

[106]) Ип., 527.

[107]) Авторитетнѣе Даніила и Василька, бывшихъ въ дружбѣ съ Мазовецкими князьями, никто не могъ заступиться за Болоховскихъ князей.

[108]) См. выше. Болоховскіе князья воевали впервые противъ Даніила около 1231 года; обѣщаніе же повиноваться ему, по нашимъ соображеніямъ, было дано съ ихъ стороны послѣ 1234 г. Въ то время, когда они давали это обѣщаніе, они, по словамъ Мазовецкаго князя, были не вои Даниловы, но „особнии князи“.

[109]) Ип. подъ 1257 г. (стр. 555): ..... придоша Бѣлобережцѣ и Чернятинци и *вси Болоховци* к Данилу“.

[110]) См. выше.

Digitized by Google

чѣмъ въ другой какой-либо изъ этихъ областей [111]), усаживаются князья совсѣмъ инаго рода, успѣвающіе получить признаніе даже со стороны иностранцевъ [112]). Въ томъ же Болоховѣ обнаруживается замѣтное стремленіе отрѣпиться отъ владычества членовъ господствовавшей тогда линіи.

Въ началѣ XIII-го столѣтія готовность къ тому проявлялась нѣсколько разъ и въ Галичѣ [113]), но, къ счастію, стеченіе обстоятельствъ помѣшало галицкой землѣ достигнуть обособленія.

Эти стремленія, бывшія наслѣдіемъ эпохи до-государственной розни племенъ и общинъ, о которой говорятъ не только наши лѣтописи, но и иноземныя извѣстія [114]), проглядываютъ и въ остальныхъ русскихъ земляхъ въ періодъ удѣльно-вѣчеваго уклада, въ который не дошли еще до мысли о построеніи изъ себя одного государственнаго организма; но только въ другихъ земляхъ подобныя желанія не простирались далѣе стараній имѣть своихъ *отдѣльныхъ князей изъ Владимірова рода* [115]).

Князьямъ Болохова, которые, если и роднились съ Рюриковичами, то развѣ путемъ брачныхъ союзовъ [116]), некому было доставить власти, кромѣ самого населенія, въ которомъ они находили поддержку: оттуда-то тѣсная связь Болоховскихъ князей съ этимъ населеніемъ. — Мы сказали, что они не могли быть ни потомками Владиміра св., ни крещеными инородцами. Н. И. Костомаровъ считалъ ихъ прежде обособившимися отъ князей боярами [117]). Но будь это волынскіе, галицкіе или кіевскіе бояре, Даніилъ отно-

[111]) Ранѣе чѣмъ въ Полоцкѣ.

[112]) Мы разумѣемъ вышеприведенныя слова Мазовецкаго князя.

[113]) Не мѣшаетъ, впрочемъ, имѣть въ виду, что княженіе въ Галичѣ *боярина* Владислава было непродолжительно; правленіе же иноземныхъ *королевичей* — другое дѣло. Притомъ все это устраивалось лишь одною боярскою кучкой. Вообще, видно, и тогда еще Русь готова была брать князей изъ-за границы съ такою же легкостію, съ какою, по сказанію лѣтописи, она приняла встарину Варяговъ.

[114]) См., напр., Масуди. Гаркави. „Сказ. мусульм. писателей", стр. 130.

[115]) Новгородцы говорили Святославу спустя немалое время послѣ начала централизаціи среди Славяно-русскихъ племенъ: „аще не поидете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ". — Когда въ какой-нибудь области не ставало князя, то она задавалась вопросомъ, который, по словамъ Лавр. сп., въ 1175 г. поставили себѣ Ростовцы, Суздальцы и Переяславцы: „но кого *хочемъ* послати *въ своихъ князехъ*"?

[116]) Можетъ быть, Болоховскіе князья породнились этимъ способомъ съ Черниговскою вѣтвію, съ которою, повидимому, были въ союзѣ.

[117]) „Моногр.", I, 218. Одинъ разъ въ лѣтописи Болоховскіе князья ставятся какъ будто наряду съ Глѣбомъ Зеремеевичемъ, который, повидимому, былъ бояринъ, но, съ другой стороны, чѣмъ-то выдѣлялся изъ массы другихъ [онъ постоянно является между Галицкими бо-

Digitized by Google

сился бы къ нимъ совершенно иначе, и они не были бы названы въ лѣтописи „особными князьями“. Остается предположить, что это были или лица туземныхъ княжескихъ родовъ, уцѣлѣвшихъ отъ до-государственной старины, какъ думаетъ въ послѣднее время Н. И. Костомаровъ, съ мнѣніемъ котораго мы не соглашаемся только въ томъ, будто они оставались не подвластными Рюриковичамъ не только въ XIII стол., но и до того времени, или же это были „лучшіи мужи“ мѣстнаго населенія, провозгласившаго ихъ князьями для того, чтобы имѣть кого выставить въ противовѣсъ дому Владиміра св. Въ то время старинные роды славяно-русскихъ князей не вполнѣ еще исчезли и, по общему историческому закону медленнаго и постепеннаго вымиранія всякой старины, не успѣли еще совсѣмъ затеряться въ массѣ, хотя давно уже господствовалъ иной домъ [118]). Въ Новгородѣ, по прямымъ свидѣтельствамъ, они продолжали существовать и въ XIV столѣтіи. На югѣ мы не встрѣчаемъ упоминаній о нихъ послѣ XI-го столѣтія: тутъ, въ особенности въ Кіевѣ, гдѣ князья господствовавшаго рода были съ давнихъ поръ, они стояли съ своими дружинами въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ мѣстному населенію, и, можетъ быть, авторитетъ ихъ подѣйствовалъ разрушительнѣе на это сословіе. Но о внутренней жизни Болоховской земли мы почти не имѣемъ никакихъ извѣстій и потому не можемъ съ рѣшительностію утверждать, что къ XIII-му столѣтію въ ней не было уже и слѣда старинныхъ княжескихъ родовъ. Напротивъ, украинное положеніе Болоховской земли склоняетъ думать, что эти роды не вполнѣ еще потеряли въ ней свое значеніе къ тому времени.

По всей вѣроятности, занимающіе насъ князья Болохова достигли власти въ этой землѣ въ смутное и печальное время южной Руси, наступившее послѣ кончины Романа [119])

ярами, но въ началѣ XIII-го стол. былъ въ какой-то связи съ княземъ Мстиславомъ Пересопницкимъ; упомянемъ при этомъ, что въ Новградволынскомъ уѣздѣ есть дер. Земля]: „бѣ бо съ королевичемъ Александръ и Глѣбъ Земеевичь и инии князи Болоховьстии“. Впрочемъ, это мѣсто можно толковать и иначе.

[118]) См. ст. В. Мстиславскаго „Огнищанинъ и княжь мужъ“ въ „Чт. въ И. Общ. ист. и др. Росс.“ 1860 г., № 4, стр. 5—6, 16—19. Въ виду фактовъ и свидѣтельствъ, приведенныхъ въ этой статьѣ, теряетъ значеніе мнѣніе г. Соловьева, что „родовой бытъ Славянскихъ племенъ сохранился при своихъ первоначальныхъ формахъ, не переходя въ бытъ кланов, гдѣ старшинство было уже наслѣдственно въ одной линіи, переходило отъ отца къ сыну, тогда какъ у нашихъ Славянъ князь долженствовалъ быть старшимъ въ цѣломъ родѣ смотря по своему физическому старшинству“. Ист. Россіи, I (изд. 4, М. 1866), 239.

[119]) Можетъ быть, Болоховцы руководились въ этомъ случаѣ примѣромъ Галичанъ: недаромъ Болоховскіе князья дружили такъ съ боярствомъ Галича. Они не выступали на сцену, пока усиленіе Даніила не возбудило серьезныхъ опасеній въ южнорусскихъ князьяхъ и не создало противъ него коалиціи. — Въ XIII-мъ стол. отъ Кіева отошло и бывшее вблизи Болохова Межибожье, которое мы видимъ въ распоряженіи Даніила и Василька (Ип., 502). —

Digitized by Google

и продолжавшееся и послѣ Калкскаго побоища, когда кіевскіе князья далеко уже не пользовались тѣмъ авторитетомъ и тою силою, какую имѣли прежде. Безпрестанная смѣна ихъ должна была разрушительно дѣйствовать на ихъ авторитетъ. Отдѣленіе отъ Кіева его областей, впрочемъ, все-таки подъ власть Рюриковичей, замѣчается и прежде; въ XIII же столѣтіи князья появляются и въ слишкомъ мелочныхъ пунктахъ. Въ томъ же вѣкѣ не упоминается, какъ принадлежащій къ Кіеву, и край, который мы отвели для Болохова.—Трудно думать, чтобы Болоховскіе князья появились къ началу 30-хъ годовъ XIII-го столѣтія, когда у Даніила завязалась борьба съ Черниговскими князьями.

Причина, по которой Болоховскіе князья были возвышены въ княжеское достоинство и такъ усердно поддерживаемы мѣстнымъ населеніемъ въ борьбѣ съ князьями Владимірова дома, объяснится, быть можетъ, при взглядѣ на положеніе, въ какомъ находились Болоховскіе князья въ своей землѣ. По всему видно, это были представители рода общинъ, группировавшихся около городовъ, между которыми не было даже главнаго. Лѣтопись не упоминаетъ о городѣ Болоховѣ, отъ котораго, какъ отъ важнѣйшаго, мы могли бы произвести названіе этой земли. Видно, что такъ называлась цѣлая мѣстность безъ отношенія къ центральному пункту этого имени. Лѣтопись однажды прямо даже говоритъ: „приде Изяславу вѣсть, оже Володимиръ перешелъ *Болоховo*, идеть мимо Мунаревъ къ Володареву“ [120]). Подъ 1257 годомъ мы опять встрѣчаемъ намекъ, что Болоховымъ называлась цѣлая мѣстность. На основаніи лѣтописныхъ выраженій въ родѣ того, что „*вси* князи Болоховьсции изоимани быша“ [121]), можно думать, что этихъ князей было немало и, вѣрнѣе, цѣлая группа. Изъ того же, что они совсѣмъ не упоминаются иногда, а на сцену выступаютъ просто „Болоховци“, можно заключать, что эти князья не выдѣлялись изъ массы, были очень близки къ ней и сливались съ нею. Можетъ быть, они походили на тѣхъ общинныхъ князей, о которыхъ Древляне говорили: „а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю“ [122]).

Осмѣливаемся сдѣлать выводъ, что отпаденіе Болохова вытекало именно изъ его стремленій возстановить у себя старинный порядокъ, существовавшій у Славянъ, дѣлившихся на общины съ выборными князьями во главѣ.

Наряду съ Болоховымъ господствовавшему дому, вѣроятно, не успѣло подчиниться предъ Татарскимъ нашествіемъ и Побожье, выступающее въ лѣтописи во второй половинѣ XIII стол. Колонизація Побожья началась, вѣроятно, послѣ 1224 г., когда Половцы значительно ослабѣли. Передъ тѣмъ имъ нанесено было значительное пораженіе Романомъ. Въ составъ Болохова XIII стол. вошла, можетъ быть, и часть этихъ вновь колонизованныхъ пространствъ.

[120]) См. выше.

[121]) Ип., 516.

[122]) Лѣт. по Лавр. сп., 54.

Digitized by Google

Ничего подобнаго не было бы, еслибы въ Болоховѣ властвовали Рюриковичи. И вотъ Болоховская земля попыталась освободиться отъ нихъ, пользуясь неурядицами между ними и ихъ разъединеніемъ. Тогда минули уже времена дружныхъ походовъ и вообще обширныхъ предпріятій Русскихъ князей, когда на первомъ планѣ поставлялись интересы *цѣлой* Русской земли. Въ 1223 году, подъ вліяніемъ Мстислава Удалаго опасность со стороны Монголовъ, которые были страшнѣе всѣхъ виданныхъ дотолѣ Русью враговъ, еще разъ соединила Русскихъ князей, но послѣ Калкскаго побоища ихъ не сплачивало уже и это.

Чтобы заручиться сильною поддержкою противъ враговъ, жители Болохова [123]) рѣшаются связаться съ Татарами. Въ то время, какъ населеніе другихъ Русскихъ земель бѣжитъ предъ этой страшною ордою, Болоховцы являются къ ней съ смиренными главами и вымаливаютъ пощаду на условіяхъ ежегоднаго взноса пшеницы и проса въ количествѣ, въ какомъ потребуютъ Татары. За то эти послѣдніе, при исправной уплатѣ дани, не вмѣшивались во внутреннюю жизнь подвластнаго имъ населенія.

Такія несомнѣнныя попытки Болоховской земли составляютъ, по нашему мнѣнію, замѣчательную ея особенность, которая выдѣляетъ эту землю изъ ряда другихъ Русскихъ областей.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ XIII-го столѣтія, вмѣстѣ съ Болоховцами, оказываются не признающими Даніиловой власти и жители земель, окружавшихъ Болохово: на западѣ—Межибожцы, на сѣверѣ—Возвягляне, на востокѣ—жители Городка, Сѣмоця и другихъ мѣстностей, бывшихъ между Болоховымъ и Тетеревомъ, жители Потетеревья; на югѣ—обитатели Побожья, а также въ точности неизвѣстно гдѣ жившіе Бѣлобережцы и Чарнятинцы.

Перечисленныя нами мѣстности подчинялись непосредственно Татарамъ, и Даніилъ, выступивъ на нихъ, по словамъ лѣтописи, „воздвиже рать противу Татаромъ“ [124]). Одни изъ этихъ городовъ въ лѣтописи называются „сѣдящия за Татары“, жители другихъ — прямо „люди Татарьскыя“. Мы рѣшаемся отличать эти выраженія одно отъ другаго и думаемъ, что, въ то время какъ жители первыхъ городовъ не входили въ ближайшее соприкосновеніе съ Татарами, вторые—т. е. обитатели Побожья—или получали отъ нихъ управителей, или же прямо жили совмѣстно [125]). По извѣстію литовскихъ лѣтописей,

[123]) Не князья прежде всего, а сами жители рѣшились на это. Лѣтопись прямо говоритъ, что они „отъ Татаръ большую надежду имѣаху“ (Ип., 527).

[124]) Ип., 555.

[125]) Татары заняли южныя окраины русской земли, повидимому, на первыхъ уже порахъ. По словамъ Рубруквиса, «ab orificio Tanais versus Occidentem usque ad Danubium totum est subditum (разумѣется: Tartaris)... Inter se diuiserunt Scythiam, quae durat à Danubio usque od ortum

Digitized by Google

когда Ольгердъ двинулся на Татаръ, отчичей и дѣдичей Подольской земли, значитъ, потомковъ тѣхъ самыхъ, которые овладѣли Подоліею при Даніилѣ, то засталъ, что они взимали дань съ Подолянъ чрезъ баскаковъ, обращавшихся за нею къ поставленнымъ надъ жителями начальникамъ [126]). Пришедши въ Подолію. Литовцы застали, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, по словамъ Стрыйковскаго, «Tatarowie tak jako dziś w Przekopie, w ten czas mieszkali, zhołdowawszy i zniewoliwszy Russaków» [127]). Часть этихъ Татаръ, спасшаяся отъ Литовцевъ, убѣжала къ Черному морю и въ Перекопъ, а потомъ поселилась за Дунаемъ — въ Добруджѣ, и Стрыйковскій видѣлъ ихъ во время путешествія по Турціи. По его словамъ, «większa część ихъ słowieńskim językiem mówią i gospodarstwem się bawią» [127]). Видно, поселившіеся въ Подоліи Татары начали подпадать Русскому вліянію. Можетъ быть даже ханы ихъ принимали крещеніе: одинъ изъ нихъ, по извѣстію литовскихъ лѣтописей, носилъ имя Дмитрея [128]). По замѣчанію Гваньини, Татары не знали употребленія хлѣба, за исключеніемъ тѣхъ, которые жили на границѣ Подоліи [129]). Эти послѣдніе могли заниматься тамъ земледѣліемъ съ древнѣйшихъ временъ [130]). Татары, владѣвшіе Подоліею передъ приходомъ Ольгерда, были „отчичи и дѣдичи Подольской земли“, и очень могло статься, что при нихъ въ этой землѣ господствовалъ тотъ самый порядокъ, какой былъ заведенъ еще во времена Даніила. — О поселеніяхъ Татаръ у Бога говорятъ и монгольскіе источники [131]) и свидѣтельствуютъ названія нѣкоторыхъ населенныхъ мѣстностей [132]). Еще въ XIV столѣтіи мы встрѣчаемъ

solis (Halluyt's Collection of the early voages, travels, and discoveries of the english nation». Vol. I (London 1809). pp. 80—81.

[126]) Latopisiec Litwy i kronika Ruska. Staraniem i pracą Ignacego Daniłowicza, w Wilnie, 1827. 49—50. — Татары думали привести въ такую зависимость отъ себя и юго-восточныя окраины Даніилова государства: Бакоту и Кременецъ (Ип., 550).

[127]) Stryjkowski. II. str. 7 (по изд. 1846 г.).

[128]) Latopisiec Litwy i kronika Ruska, 49. Другой ханъ назывался Котлубей. Пана Котлубая мы встрѣчаемъ въ актахъ XVII-го столѣтія. Личность Котлубега не подлежитъ сомнѣнію. Узбекъ ввѣрилъ ему управленіе Крымомъ и близъ лежащими приморскими областями.

[129]) L. c., fol. 110 на обор.

[130]) Броневскій упоминаетъ о „безчисленныхъ стадахъ овецъ, рогатаго скота и лошадей турецкихъ и татарскихъ, которыя всегда тамъ паслись около границъ Россіи, Волыни, Кіева, Подоліи и Молдавіи“ [„Зап. Од. Общ. ист. и др.“, т. VI (Одесса 1867), стр. 335).

[131]) См. Hammer-Purgstall'я Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak. Pesth 1840. Стр. 772 (цитата заимствована у г. Шараневича). — По сказанію Виллани, Людовикъ Венгерскій совершилъ въ половинѣ XIV столѣтія походъ in Tartariam ultra Bogum fluvium.

[132]) По словамъ Сарницкаго, Татары «Podoliam vectigalem sibi magna ex parte reddiderunt. Unde Bacota, Balakley, Czapczakey, Kuczmien, Kaczibey et alia prodigiosa nomina munitarum arcium Podolicarum Scythicam phrasim et feritatem resonantia, quae pulsis Tartaris ad hunc diem permanent». См. Лейпцигское изд. Длугоша. t. II. col. 1134.

Digitized by Google

у сѣвернаго берега Чернаго моря Русскихъ, очевидно, оставшихся тамъ отъ прежнихъ временъ [133]). Можно думать, что они успѣли поладить съ Татарами, уплачивая имъ дань [134]). — При Литовскомъ владычествѣ, Подолія довольно быстро сдѣлалась цвѣтущею страною, а это было бы невозможно, еслибы она была занята Русскими, составлявшими коренной элементъ мѣстнаго населенія, только послѣ изгнанія оттуда Татаръ.

Неизвѣстно, всѣ ли жители перечисленныхъ нами выше мѣстностей добровольно поддались Татарамъ, но несомнѣнно, что это можно сказать о многихъ изъ нихъ. Жители Возвягля отпали отъ Даніила послѣ того, какъ были принуждены подчиниться ему въ виду войскъ: „Возвягляне же солъгаша Шварномъ, поемше тивуна не вдаша ему тивунити“ [135]).

По сообщенію Галицко-волынской лѣтописи, покоривши всѣ эти мѣстности, Даніилъ думалъ двинуться къ Кіеву, но остановился потому, что Литовцы не сдержали своего слова и не явились въ пору на помощь. Какъ управлялись въ то время земли, тянувшіяся на востокъ отъ перечисленныхъ нами до Днѣпра, платили ли и онѣ дань непосредственно Татарамъ, или имѣли Русскихъ князей, которые упоминаются позже въ Кіевѣ [136]), мы

---

[133]) В. И. Григоровича „Записка антиквара о поѣздкѣ его на Калку и Калміусъ, въ Корсунскую землю и на южныя побережья Днѣпра и Днѣстра“, Одесса 1874, стр. 28—29. — „Гал. ист. сб., изд. Общ. Галицко-русской Матицы“, вып. III (Львовъ 1860), прим. 32, стр. LV. Память о совмѣстномъ житьѣ Русскихъ съ Татарами сохранилась, можетъ быть, даже въ одной пѣснѣ. См. В. Б. Антоновича и М. П. Драгоманова „Историческія пѣсни малорусскаго народа“, т. I (Кіевъ 1874), стр. 106. Подъ Волощиной, о которой говорится въ пѣснѣ, могла разумѣться и Молдавія, не только Крымъ. У Пахимера встрѣчаемъ извѣстіе, что съ Татарами Ногая „перемѣшались мало по малу Цихи, Готѳы, Русскіе...“

[134]) Эту дань вносили, повидимому, даже Русскіе болѣе западныхъ мѣстностей, признававшіе власть Галицко-волынскихъ князей. Когда Казиміръ обнаружилъ желаніе захватить земли, оставшіяся послѣ этихъ князей, то воспротивившіеся тому Русскіе вельможи отправили пословъ къ Татарамъ, которые declarant Casimirum Poloniae Regem, in recenti tempore terras Russiae, ex quibus Tartaris tributa pendebantur, occupasse, iurisque sui fecisse, et omnes datias et tributa, quae Tartaris cedere solebant, usurpasse. Dług. lib. IX, ad a. 1344. — Другіе источники говорятъ, что Татарскій ханъ утверждалъ «regnum esse suum, tanquam sibi et suis progenitoribus censuale».

[135]) Ип.

[136]) Во второй половинѣ XIII-го столѣтія въ Кіевѣ долженъ былъ княжить упомянутый въ Сѣверскомъ синодикѣ Иванъ Владиміровичъ Путивльскій (ст. г. Квашнина-Самарина, l. c., стр. 222). — Кажется, что не только Кіевъ, но и территорія Кіевскаго княжества была отдана Татарами князьямъ Черниговской линіи: въ Сѣверскомъ и Елецкомъ синодикахъ одинъ изъ этихъ князей названъ „Вруцкимъ“. См. г. Милорадовича „Любечъ“ (М. 1871), стр. 37.— По извѣстію Русскихъ лѣтописей (Новгор., Воскрес. и Никон.) въ 1331 году въ Кіевѣ былъ

Digitized by Google

не можемъ сказать по неимѣнію данныхъ. Путешествовавшій за 10 лѣтъ до похода Даніиловыхъ войскъ Плано-Карпини сообщаетъ только, что Каневъ зависѣлъ непосредственно

княземъ Ѳеодоръ. По мнѣнію г. Квашнина-Самарина, „весьма вѣроятно, что Станиславъ (такъ названъ въ Литовскихъ лѣтописяхъ князь Кіева, при которомъ этотъ городъ былъ взятъ Литовцами) и Ѳеодоръ одно и тоже лицо“ (l. c., стр. 224). Это сдѣлается весьма вѣроятнымъ, если вспомнимъ, что Кіевъ, по извѣстію такъ-называемой Кіево-печерской рукописи, былъ завоеванъ Гедиминомъ въ 1333 году. По сказанію Густынской лѣтописи, Владиміръ Ольгердовичъ былъ посаженъ въ Кіевѣ Ольгердомъ въ 1362 году на мѣсто Ѳеодора (П. с. р. л. II, 350), — вѣроятно, того самаго, который упомянутъ подъ 1331 г. Приходится допустить, что при Ольгердѣ Кіевъ былъ вновь завоеванъ Литовцами, потерявшими было его. Съ этимъ согласуется то, что о Кіевской землѣ ничего не говорится при перечисленіи въ Литовскихъ лѣтописяхъ удѣловъ, розданныхъ Гедиминомъ, хотя эти лѣтописи упоминаютъ о Волыни (земляхъ Луцкой и Владимирской. Лѣт. Быхъ., стр. 17. Лѣт., изд. Данилов., 27). Г. Стадницкій старается объяснить это молчаніе Литовскихъ лѣтописей тѣмъ, что Кіевъ былъ отданъ Гедиминомъ упоминаемому тѣми же лѣтописями Ольгимунту Гольменскому, или же отпалъ отъ него подъ конецъ его правленія (Synowie Gedymina, T. II, 1853, str. 22—23). Можетъ быть, это нужно объяснять такъ, что Татары, бывшіе въ войскахъ Станислава (о чемъ говорится въ Кіево-печерской рукописи), не сразу уступили Кіевъ, на первыхъ порахъ изгнали оттуда Литовцевъ и тѣмъ вынудили къ борьбѣ Ольгерда, продолжавшаго Гедиминово дѣло. Трудно допустить, чтобы Татары отдали безъ бою и безъ всякаго вмѣшательства съ своей стороны такой важный пунктъ, какъ Кіевъ. Они воевали Литву уже передъ тѣмъ (въ 1325 г.), а въ 1336 году повторили свой набѣгъ. По сказанію Густынской лѣтописи (П. с. р. л. II, 348) въ Кіевѣ считался нѣкоторое время княземъ Иванъ Калита. Впрочемъ, мы не беремся распутывать вымыслы Литовскихъ извѣстій о покореніи Кіева Литовцами. Мы напомнимъ здѣсь читателямъ только замѣчаніе г. Шараневича („Исторія“, 280, прим. 77), что война Витовта съ Владиміромъ Ольгердовичемъ „подобна въ датахъ до войны въ р. 1319 . . .“ Къ сближеніямъ г. Шараневича прибавимъ, что какъ, по сказанію Литовскихъ лѣтописей, Гединиъ отдалъ Кіевъ *Ольгимунту*, такъ Витовтъ послѣ смерти Скиргайла отдалъ его Ивану *Ольгимунтовичу*. — По словамъ лѣтописи Быховца (стр. 16), Станиславъ, о которомъ мы уже говорили, былъ въ связи съ Романомъ Брянскимъ. Одинъ князь этого имени былъ въ Брянскѣ въ XIII стол., а другой въ XIV-мъ: съ 1356 г. Брянскъ принадлежалъ Литвѣ, но подъ 1375 г. мы опять встрѣчаемъ тамъ Романа. Во всякомъ случаѣ, на основаніи союза Станислава (Святослава? Въ XIV столѣтіи въ Черниговской вѣтви намъ извѣстенъ Святославъ Ивановичъ, скончавшійся въ 1386 г.) Кіевскаго съ княземъ Брянскимъ можно думать, что онъ былъ изъ Черниговскихъ князей. Къ тому же заключенію пришелъ и г. Квашнинъ-Самаринъ по поводу того, „что братъ послѣдняго Кіевскаго князя назывался Олегомъ“. „Извѣстно, что Мономаховичи гнушались этимъ вражьимъ именемъ, такъ что во всемъ ихъ племени буквально не было ни одного Олега“ (l. c. 224). О судьбѣ Станислава, послѣ потери имъ Кіева, Литовскій лѣтописецъ сообщаетъ слѣдующее: „И въ тотъ часъ будучи князю Станиславлю Кіевскому у Браньску выгнаному одъ великого князя Гидымина, и присла къ нему князь Иванъ Резански, будучи у старости своей, просячи его абы до него приехалъ, и дочку у него понялъ именемъ Ольгу, бо сына немелъ, только одну тую

Digitized by Google

отъ Татаръ, равно какъ и другое какое-то не названное имъ селеніе; они были управляемы какими-то praefecti; въ Кіевѣ же сидѣлъ въ то время Дмитро (у Плано-Карпини —Монгротъ), намѣстникъ Ярослава Суздальскаго. Имѣя князей, Кіевъ подпалъ однако сильнѣйшему гнету Татаръ, отъ насилія которыхъ, по сохранившемуся извѣстію, въ 1300 году жители совсѣмъ разбѣжались [137]). Въ XIV столѣтіи въ Кіевѣ упоминаются Татарскіе баскаки.

Какъ бы то ни было, примѣръ Болоховцевъ и ихъ сепаративныя стремленія не остались безъ вліянія на окружавшее ихъ населеніе, которое, по всей вѣроятности, не замедлило пойти по ихъ слѣдамъ въ подчиненіи Татарамъ, и стремленіе къ устройству изъ себя общинъ замѣчается не только въ Болоховѣ, но и въ другихъ смежныхъ съ нимъ мѣстностяхъ ю. Руси, въ которыхъ не видно даже и князей. Эти мѣстности присоединились къ Болохову если не сразу, то вскорѣ послѣ выступленія его противъ Даніила, потому что владѣнія послѣдняго съ Татарскаго нашествія, насколько можно видѣть изъ лѣтописей, уже не простирались далеко на востокъ. Болоховцы стояли впереди движенія и были самыми опасными противниками Даніила.

Татары скоро узнали о замыслахъ этого князя, принудили срыть укрѣпленія, воздвигнутыя имъ въ своей землѣ, и съ этого времени внимательно слѣдили за направленіемъ и поступками Галицко-волынскихъ князей. Съ другой стороны, въ Галицко-волынской лѣтописи нигдѣ нѣтъ указаній, по которымъ можно было бы заключать, что владѣнія Романовыхъ потомковъ послѣ Даніила простирались слишкомъ далеко за рѣку Горынь [138]), бывшую границею собственной Волыни и встарину [139]).

дочку, и по смерти его абы былъ великимъ княземъ Резанскимъ. И князь Станиславль до него ѣхалъ, и дочку в него понялъ, по смерти его былъ великимъ княземъ Резанскимъ" (Лѣт. Бых., стр. 16). Въ это время въ Рязани извѣстенъ Иванъ Коротополый, но у него былъ сынъ Олегъ, начавшій править въ Рязани вскорѣ послѣ смерти отца.

[137]) Лѣт. по сп. Лавр., 461.

[138]) Владиміру Васильковичу, а потомъ Мстиславу Даниловичу служилъ какой-то князь Поросскій, но кажется, что это была личная служба, а не съ землею: Юрій какъ бы состоялъ при Мстиславѣ на посылкахъ (Ип., 612). У барона Майерберга, писавшаго во второй половинѣ XVII-го столѣтія и, между прочимъ, интересовавшагося и прошлымъ Россіи и собиравшаго свѣдѣнія о немъ, говорится, что, послѣ Татарскаго нашествія, „когда поулеглась эта жестокая буря, Русскіе опять заселили Кіевъ, съ согласія Татарскихъ преемниковъ Батыя и съ обязательствомъ дани (Русскій переводъ, помѣщенный въ „Чтеніяхъ въ Имп. общ. ист. и др. Росс.", стр. 124). Мстиславъ встрѣтилъ однажды шедшихъ въ Польшу Татаръ у Борыни (очевидно, что онъ долженъ былъ выдти къ нимъ съ дарами на границу своихъ владѣній); Телебуга „оттолѣ пойде мимо Кремянѣць ко Перемилю" (Ип., 588). Въ Галицко-волынской же лѣтописи мы встрѣчаемъ еще указаніе, что Мстиславу Даніиловичу въ концѣ XIII-го столѣтія принадлежали Луцкъ и Дубно (Ип. 596; сл. ниже—въ III-й гл.—указаніе XIV стол.).—Выраженіе той

Digitized by Google

Послѣ всего этого есть полное право думать, что завоеванныя Даніиломъ у Татаръ Русскія земли тотчасъ же обратно отошли къ послѣднимъ и продолжали быть свободны отъ опеки какой-нибудь близкой правительственной власти. Онѣ такъ жили до подчиненія ихъ Литовцами.

Итакъ, уже въ XIII-мъ столѣтіи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Руси обнаруживается то стремленіе къ общинной жизни и самоуправленію, которое такъ ярко проглядываетъ въ позднѣйшемъ козачествѣ.

Кромѣ такой внутренней связи между Болоховцами и ихъ союзниками, съ одной стороны, и южнорусскими козаками съ другой, между ними, кажется, была и внѣшняя.

Мы сказали, что территорія Болохова захватывала собою часть позднѣйшей Подоліи.

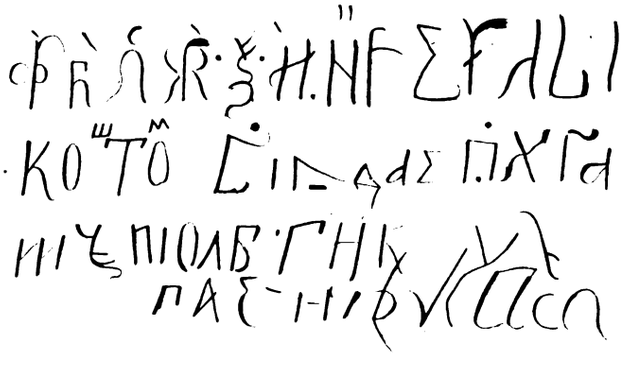
Въ этой послѣдней, вскорѣ послѣ утвержденія въ ней власти Гедиминова дома, Литовскими хрониками упоминаются козаки, названіе которыхъ было въ ходу въ Крыму уже въ началѣ XIV-го столѣтія [140]): «Olgerd z Litwą dobył Braslawia, Skały, Sokolca i Smotrycy zamków pod Wołochy. Ubieżal potym w nocy Kamieniec i Czerwonygrodek za życzliwością kozaków Podolskich» [141]). Правда, мы встрѣчаемъ приведенное извѣстіе

же лѣтописи о Мстиславѣ, что онъ „одержа землю свою величествомъ олны по Татары, а сѣмо по Ляхи и по Литву“ (Ип., 613), неопредѣленно.

[139]) См., напр., утвержденіе Изяслава и его сына (Ип., 276).

[140]) См. Архим. Антонина „Замѣтки XII — XV вѣка, относящіяся къ Крымскому городу Сугдеѣ (Судаку), приписанные на греческомъ Синаксарѣ“ въ V т. „Зап. Од. общ. ист. и др.“, № 116. На сѣверѣ отголосокъ термина козакъ слышится, повидимому, въ началѣ XV-го стол.: въ Псковской лѣтописи упомянутъ подъ 1406 г. „Георгій Посадникъ Псковскій сынъ Филиповъ Козачковичь“. Обыкновенно первое упоминаніе о козакахъ на сѣверѣ относятъ къ 1444 г. По мнѣнію Арцыбашева (т. II, кн. III, прим. 1357, и IV, прим. LXVI), Рязанскіе козаки 1444 года были, вѣроятно, Донскіе. Сл. стр. 150 ст. Малиновскаго въ V-мъ т. „Запис. Од. общ. истор. и древн.“.

[141]) Stryjkowski, 19. — Замѣчательно, что къ тому же отдаленному времени готовы относить козачество и близкія къ народу преданія. По сообщенію Д. А. Синицкаго, за которое долгомъ считаемъ заявить здѣсь нашу признательность, въ с. Стѣнахъ Ямпольскаго уѣзда Подольской губерніи существуетъ преданіе, что церковь этого селенія основана *козакомъ* Нечаемъ въ 1365 г. Тамъ же показываютъ и камень съ какою-то надписью. Этотъ камень находился сначала у входа въ церковь, возлѣ порога, но потомъ, когда нѣсколько пострадалъ, былъ вынутъ, при чемъ надпись была наведена краскою. Въ настоящее время она, какъ намъ передали, имѣетъ слѣдующій видъ:



Digitized by Google

въ такомъ видѣ у позднѣйшаго компилятора—Стрыйковскаго, и двѣ Литовскія лѣтописи, въ ряду другихъ послужившія ему матеріаломъ, не говорятъ о козакахъ, но какъ извѣстіе о войнѣ Ольгерда съ Ѳедоромъ Корьятовичемъ принадлежитъ не Стрыйковскому, а лѣтописцамъ, трудами которыхъ онъ пользовался [142]), такъ тѣмъ же лѣтописцамъ могло принадлежать и упоминаніе о козакахъ. Стрыйковскій нерѣдко удерживалъ выраженія источниковъ, которыми пользовался, даже не зная, какъ понимать эти выраженія [143]); онъ передавалъ даже очевидныя для него бредни лѣтописей; свои поправки онъ часто предлагалъ въ скобкахъ и вообще излагалъ свой матеріалъ добросовѣстно [144]). Вопросъ, слѣдовательно, можетъ быть только относительно достоинствъ источника, изъ котораго Стрыйковскій почерпнулъ извѣстіе о козакахъ. Г. Стадницкій, признающій тенденціознымъ и неправдоподобнымъ сказаніе объ отнятіи Подоліи у Корьятовичей уже при Ольгердѣ, обращаетъ [145]) вниманіе на то, что хроника, относящая изгнаніе Ѳеодора Корьятовича изъ Подоліи ко временамъ Ольгерда, списываетъ лѣтопись, изданную Даниловичемъ, которая, напротивъ, относитъ это событіе къ Витовту; слѣдовательно, заключаетъ почтенный историкъ, болѣе вѣроятности на сторонѣ послѣдняго показанія. Но вѣдь такъ-называемая хроника Быховца не все заимствовала изъ лѣтописи, изданной Даниловичемъ, и отчего въ этомъ случаѣ самъ компиляторъ (авторъ хроники Быховца) сталъ бы выдумывать небывалыя вещи? Г. Стадницкій пытается объяснить это [146]), но не совсѣмъ удачно. Во всякомъ случаѣ, извѣстіе о козакахъ, взятое Стрыйковскимъ не изъ лѣтописи Быховца, а изъ памятника, который намъ неизвѣстенъ [147]) и о которомъ пока мы должны воздержаться отъ окончательнаго сужденія, весьма замѣчательно и важно. Оно представляетъ собою первое упоминаніе о Русскихъ козакахъ, какое только намъ извѣстно, и мы, сообразивъ это извѣстіе съ другими данными, осмѣливаемся думать, что Русское козачество развилось впервые именно въ Подоліи.

---

[142]) См. Лѣтоп., изд. Нарбуттомъ, стр. 20. Synowie Gedymina, przez Kaz. Stadnickiego. T. I. Wydanie drugie, Lwów 1849. Встрѣтивъ разнорѣчивыя показанія о времени отнятія Подоліи у Ѳедора Корьятовича, Стрыйковскій примирилъ ихъ, допустивъ двухъ Корьятовичей и два завоеванія Подоліи. Также думаетъ и г. Стадницкій (стр. 74). Такимъ же образомъ Стрыйковскій примирялъ и другія не сходившіяся въ хронологіи свидѣтельства.

[143]) Онъ самъ сознается въ этомъ. См. t. II, str. 311.

[144]) Ibid., 257.

[145]) T. I, str. 67—70.

[146]) Ibid., str. 77.

[147]) Стрыйковскій несомнѣнно пользовался недошедшими до насъ лѣтописями. См. t. I, Wiadomość o właściwych litewskich latopiscach, przez Ignacego Daniłowicza, str. 48—49; сл. Стадницкаго I, 9. Даниловичъ напрасно различаетъ чисто Литовскія лѣтописи отъ Русскихъ; отдѣльныхъ, спеціально Литовскихъ лѣтописей не могло и быть.

Digitized by Google

Оно могло явиться тамъ въ то время, когда о немъ впервые упомянуто у Стрыйковскаго, т. е. при Корьятовичахъ, при которыхъ и даже послѣ которыхъ Татары продолжали грозить Подолью [148]).

Но гораздо вѣроятнѣе предположеніе, что зачатки козачества въ Подоліи, т. е. въ областяхъ, составлявшихъ извѣстное время южную половину Болоховской земли, или сосѣдившихъ съ нею, появились уже въ періодъ Татарскаго тамъ господства.

Не станемъ ссылаться на то, что, для своего развитія, козачество предполагаетъ, до извѣстной степени, свободу населенія той мѣстности, въ которой возникаетъ, свободу въ дѣйствіяхъ, въ распоряженіи собою, въ самозащитѣ и въ промыслахъ. Съ водвореніемъ же Литовскаго владычества въ Подоліи, дѣло охраненія этого края перешло къ правительственной власти и, слѣдовательно, уже не вызывало народную самодѣятельность въ такой мѣрѣ, какъ прежде, хотя народъ и въ то время нисколько не менѣе могъ заниматься разными степными промыслами.

Не станемъ указывать и на то, что южнорусское населеніе въ этотъ періодъ болѣе, чѣмъ въ другое какое-либо время, жило, хотя, конечно, по неволѣ, въ мирныхъ и иногда даже пріязненныхъ отношеніяхъ къ Татарамъ [149]), и что, слѣдовательно, въ то именно время удобнѣе всего было возникнуть и южнорусскому козачеству: извѣстно, что, по лучшимъ изслѣдованіямъ объ этомъ явленіи, южнорусское козачество находилось въ прямой связи съ Татарскимъ [150]).

---

[148]) Объ этомъ есть немало свидѣтельствъ. Изъ грамоты Александра Корьятовича 1375 г. Смотрицкому доминиканскому монастырю видно, что Татарамъ посылалась изъ Подоліи и дань. О томъ же свидѣтельствуютъ грамоты послѣдующаго времени.

[149]) Мы видѣли, что въ нѣкоторыхъ южнорусскихъ областяхъ Русское населеніе жило даже совмѣстно съ Татарами. Въ религіозномъ отношеніи Монголы вовсе не стѣсняли Русскихъ, и Корьятовичи на мѣстѣ Бакоты нашли «czerncy w hore» (Лѣт. Бых., 19). Тамъ, дѣйствительно, есть пещера, какъ и въ другихъ мѣстахъ [«Podole, Wołyń, Ukraina», t. II (Wilno 1841), str. 81].

[150]) Слово *козакъ*, по мнѣнію Н. И. Костомарова, взято изъ татарскаго. Впрочемъ, въ виду фактовъ, приведенныхъ въ ст. г. Бруна, помѣщенной въ V-мъ т. „Зап. Од. общ. ист. и древн.“, этотъ вопросъ не можетъ еще считаться вполнѣ рѣшеннымъ: можетъ быть, сами Татары заимствовали слово козакъ. Въ Генуэзскомъ колоніальномъ уставѣ 1449 г. козаки названы «casachi» — фактъ довольно интересный. Смѣшеніе козаковъ съ кайсаками встрѣчаемъ и у Гваньини: «Ultra Viatcam Regionem, et Cazanense Regnum Tartarorum tres Horde, qui Thumenski, Schibanski, et Cozacki appellantur, in campestribus habitant (Sarmatiae Europeae descriptio. Spirae MDLXXXI, fol. 107). Слово козакъ, какъ извѣстно, найдено и въ половецко-итальянскомъ словарѣ. — Слово *кошъ* — татарское; оно встрѣчается постоянно у Стрыйковскаго въ разсказѣ о Татарахъ (II, 253, 318, 327, 332, 333, 336, 370; сл. у Сарницкаго подъ 1501 г.).—Г. Кулишъ указываетъ еще на обычай носить чубы, какъ на татарскій.

Digitized by Google

Нѣкоторые [151]) указываютъ еще на время перваго изъ Гиреевъ, о которомъ современникъ его Длугошъ говоритъ, что этотъ ханъ «sub omni tempore sui Imperii, pacem optimam cum Regno Poloniae, et terris Prussiae, custodiuit et tenuit: humanus, ciuilisque, et bene agendi cupidus. Qui et suis potentiis Christianos contra Turcum, dummodo Casimirus, Poloniae Rex id sibi imperasset, enixius se iuvaturum obtulerat, et Thartaros a praedis et rapinis abstrahens, agros colere, mechanicas artes agere et elaborato aut mercato coëgerat vivere. In Polonos, qui apud illum agebant militiam, quo enixius in certaminibus pro eo susceptis, operam suam pro victoria nauassent, et in omnes Christianos undecunque ad se venientes, et in suo commorantes imperio, adeo humanus, ciuilis et liberalis, ut nequaquam barbaro homini et in ritibus Mahumeticis educato, quamuis nihil attinet mores natione perpendi, convenire videbatur, maiori Christianorum, quam suo damno extinctus est» [152]). Но, несмотря на все это, при первомъ Гиреѣ южнорусское населеніе едвали было уже въ столь близкихъ отношеніяхъ къ Татарамъ, какъ прежде.

Не могли повліять на развитіе южнорусскаго козачества Татары и во время нерѣдкаго участія въ войнахъ Литовско-польскихъ государей [153]).

Мы обратимъ вниманіе лишь на строй и условія жизни Подоліи предъ покореніемъ ея Литвою.

Эти условія вполнѣ могли содѣйствовать появленію козачества.

Жители Подоліи, предоставленные сами себѣ, очевидно, разбились на общины [154]), которыя, такъ какъ, по прямымъ лѣтописнымъ свидѣтельствамъ, въ странѣ не было городовъ [155]), могли состоять только изъ деревень. Они занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ, пчеловодствомъ и охотою. Что таковы должны были быть ихъ занятія, это можно видѣть изъ позднѣйшихъ извѣстій о Подоліи, по которымъ она „превосходила всѣ сосѣднія съ нею страны плодородіемъ и красотою своей природы“. Шейноха такъ группируетъ извѣстія историковъ о Подоліи: „Въ древности разсказывали чудесныя вещи

---

[151]) Г. Кулишъ.

[152]) Длугошъ, t. II, col. 396—397. — У де-Лаппоа находимъ извѣстіе о пріязни двухъ Татарскихъ князей съ Витовтомъ.

[153]) Такъ, напр., Татары помогали Витовту (Быхов., стр. 35, и Ник. V, 92) и Свитригайлу (Быхов., стр. 76). Вообще мы встрѣчаемъ Татаръ въ качествѣ пособниковъ Литовцамъ почти при каждомъ великомъ князѣ, начиная съ Гедимина.

[154]) Обращаемъ вниманіе читателей на то, что, по лѣтописямъ, у Подолянъ былъ не одинъ атаманъ, а нѣсколько.

[155]) Daniłowicz, 50: «I tohdy w podolskoj zemli ne był ni odin horod, ni derewom rublenoho, ani kamenem budowanoho». Изъ послѣдующаго видно, что въ Подоліи не было городовъ въ смыслѣ укрѣпленій, хотя на многихъ мѣстахъ, гдѣ при Корьятовичахъ являются города, уже были поселенія.

Digitized by Google

о великолѣпіи Подольской растительности, о цѣлыхъ тучахъ водящихся тамъ пчелъ, о плодородіи тамошней почвы... Въ необозримыхъ травяныхъ степяхъ Подоліи не примѣтишь бывало роговъ подольскаго вола... Воткнутый въ землю шестъ, забытый на полѣ плугъ закрывались въ продолженіе 3—4 дней высокимъ поростомъ роскошной травы. Ступишь ли гдѣ-нибудь ногой, вездѣ брызгали изъ подъ нея струи отличнаго меда... въ 50, 100 кратъ выходило зерно изъ земли. Посѣвъ въ 50 корцевъ пшеницы давалъ нѣкогда 1500 копъ сбору. Безъ всякаго удобренія сбирали иногда двѣ жатвы изъ одного посѣва..." По словамъ мѣстныхъ жителей, такъ было еще въ XVIII столѣтіи.

Трудно допустить, чтобы Татары, обязавшіе жителей ежегоднымъ взносомъ извѣстной дани, этимъ и ограничивались. Весьма вѣроятно, что и тогда, какъ и послѣ, среди этого дикаго народа находились шайки, которыя, не удовлетворяясь договореннымъ, были не прочь отправиться за добычей помимо условленныхъ сборовъ. Населеніе должно было быть постоянно готово къ отпору этимъ грабителямъ и тутъ-то оно впервые и должно было пріобрѣсти тотъ воинственный закалъ, который легъ въ основу южнорусскаго козачества [156]). Южнорусскіе козаки, такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, на первой ступени своего генезиса, если и отличались воинственностію, то она далеко не была у нихъ на первомъ планѣ. Они не составляли еще тогда *военныхъ дружинъ*, которыя собирались впослѣдствіи, не переходили еще въ наступленіе, а ограничивались защитою тамъ, гдѣ нападалъ на нихъ непріятель, было ли то среди домашняго хозяйства, или среди занятій и промысловъ, ради которыхъ нужно было выходить за предѣлы своей земли. Поводовъ къ послѣднему обстоятельству было тогда немало. Рыбный промыселъ, о которомъ встрѣчаются ясныя свидѣтельства въ до-монгольскій періодъ, долженъ былъ продолжаться. Равнымъ образомъ, изъ домосѣдства должно было выдвигать скотоводство, добываніе мѣховъ и положительная необходимость въ нѣкоторыхъ продуктахъ. — Въ XV-мъ столѣтіи Подолія находилась въ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Румыніей и могла завязать ихъ еще въ XIV-мъ. Точно также она могла сбывать свои произведенія въ портахъ, принадлежавшихъ Генуэзцамъ, которые, какъ извѣстно, торговали кожами, мѣхами и хлѣбомъ [157]). Странствователей по степямъ ждали постоянныя опасности.

---

[156]) Замѣчательно, что Каффинскіе козаки, о которыхъ говоритъ уставъ для Генуэзскихъ колоній въ Черномъ морѣ, изданный въ Генуѣ въ 1449 г., также, повидимому, вели борьбу съ Татарами. Въ этомъ уставѣ читаемъ: „Если случится, что будетъ взята какая-нибудь добыча на сушѣ казаками оргузіями, или каффскими людьми, состоящая въ вещахъ, скотинѣ и волахъ Татаръ" и т. д. („Зап. Од. общ.", т. V. Уставъ для Генуэзскихъ колоній въ Черномъ морѣ, изданный въ Генуѣ 1449 г. въ послѣдній день февраля, стр. 758). „Названіе козакъ употреблялось у Генуэзцевъ въ значеніи наѣздника, удальца. отправляющагося за добычей верхомъ" (ibid., стр. 830, прим. 108).

[157]) Объ итальянскихъ колоніяхъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря см., между прочимъ,

Digitized by Google

Въ до-монгольскій періодъ на сторожѣ противъ кочевниковъ стояли князья съ дружинниками, теперь же должны были думать о себѣ сами промышленники. Вообще вся тогдашняя обстановка жизни въ Подоліи должна была содѣйствовать развитію рыцарскаго духа въ населеніи.

Выставляя отпоръ Татарамъ въ случаѣ явки ихъ за добычей сверхъ уговора, жители Подоліи нисколько тѣмъ не нарушали мира и положенныхъ условій съ цѣлою ордою. Другое дѣло, еслибы они вступали въ открытую борьбу съ послѣднею. Но этого не могло быть, потому что Татары дѣйствовали предусмотрительно и, видно, научившись на примѣрѣ Галича, Волыни и Польши, что̀ значатъ крѣпости, не позволяли возстановлять разрушенные города въ Подоліи.

Съ теченіемъ времени, когда, вслѣдствіе пораженій, какія Татары понесли отъ руки Литовцевъ, Русскіе почувствовали себя свободнѣе, они начали отваживаться на наступленіе и могли выдвигать изъ своей среды козаковъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употреблялось у Татаръ.

Какъ бы то ни было, не слѣдуетъ оставить безъ вниманія, что въ первыхъ актахъ, упоминающихъ объ южнорусскомъ козачествѣ, оно нигдѣ не является съ характеромъ чисто военнаго сословія [158]), да и въ послѣдующее время южнорусскіе козаки не были какими-нибудь солдатами или людьми, жившими грабежемъ. Они занимались не войной только, но вмѣстѣ—и промыслами. Хозяйствомъ не брезгали даже Запорожцы, осуществлявшіе въ себѣ идеалъ южнорусскаго козачества. Въ этомъ, намъ кажется, кроется самое ясное указаніе на то, что южнорусскіе козаки выдвигались и жили въ массѣ домовитыхъ хозяевъ, съ которою не разрывали связей ни на минуту и отъ которой отдѣлялись развѣ своими подвигами, приносившими массѣ же пользу. Въ памятникахъ, относящихся къ началу XVI-го столѣтія, встрѣчается нерѣдко характеристичное выраженіе *ходить въ козаки,* употребляющееся и донынѣ въ Великороссіи.

Кромѣ условій жизни Подоліи, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что, по словамъ Литовскихъ лѣтописей, во главѣ отдѣльныхъ общинъ, во время Татарскаго владычества въ Подоліи стояли *отаманы* [159]), которыхъ избирали изъ мѣст-

---

ст. г. Бруна въ „Трудахъ перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ 1869“ (т. II, статья: „О поселеніяхъ итальянскихъ въ Газаріи“).

[158]) Въ сѣверо-восточной же Руси уже въ XV-мъ столѣтіи козаками назывался извѣстный отдѣлъ состоявшихъ на службѣ Татарскихъ войскъ. Впрочемъ, тамъ были козаки и другого рода (о нихъ см. у Н. И. Костомарова: Богданъ Хмельницкій, изд. 1870, т. I, стр. XIX).

[159]) См. Syn. Gedym., t. I, прим. 56, стр. XIII. Это слово какъ будто употреблялось въ такомъ смыслѣ и въ послѣдующее время. Въ описаніи Кіева и его замка, составленномъ королевскими люстраторами въ 1545 году, при перечисленіи „селъ замковыхъ“, между прочимъ,

Digitized by Google

ныхъ жителей [160]) Татары, вѣрнѣе — сами жители. Отъ этихъ отамановъ брали дань пріѣзжавшіе къ нимъ баскаки.

Остановимся на словѣ *отаманъ*.

Это слово отождествляютъ съ словомъ *гетманъ*, а послѣднее производятъ отъ Hauptmann [161]). Соглашаясь, что *гетманъ* могло произойти отъ слова Hauptmann [162]), для слова *отаманъ* мы рѣшаемся принять другое производство, находящее первообразъ его въ Татарскомъ словѣ *одаманъ*. Случайно оба эти слова, гетманъ и отаманъ, приближаясь другъ къ другу фонетически, сошлись и въ своемъ значеніи, и потомъ ихъ начали употреблять даже одно вмѣсто другаго. Оттуда-то ихъ отождествленіе. Но иногда они довольно явственно различаются въ актахъ [163]). Тогдашнее правительство никогда не употребляло слова отаманъ, и какъ въ правительственныхъ актахъ, такъ и въ историческихъ сочиненіяхъ оффиціально облеченные начальственною властію надъ козаками или вообще войсками назывались только гетманами. Литовскіе лѣтописцы обыкновенно не употребляли слова отаманъ, и приведенное нами мѣсто о Подоліи составляетъ аномалію.

Далѣе, слово гетманъ не было извѣстно въ древней Руси. Оно могло явиться въ русскомъ языкѣ чрезъ посредство Поляковъ или Литовцевъ, у которыхъ оно было въ особенномъ ходу, но жители Подоліи, при Татарахъ, еще не были знакомы ни съ тѣми, ни съ другими.

Остается допустить, что слово отаманъ перешло отъ Татаръ къ Подолянамъ уже до конца XIV-го столѣтія. Отъ Татаръ же оно перешло къ козакамъ и въ другихъ частяхъ Руси, гдѣ Литовское вліяніе едвали могло имѣть мѣсто [164]).

говорится: „Село *Петровцы* на Днепре, отъ замъку уверъхъ 2 мили. *Атаманъ* Микита Вареникъ даеть на замокъ меду полътретя ведеръца...“ и т. д. Потомъ перечисляются другіе, вносившіе что-нибудь на замокъ и монастыри. „Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей“, отд. III, 30. — Сл. „Опись актовой книги Кіевскаго Центральнаго Архива, означенной по списку онаго подъ №9“ (Кіевъ 1872), стр. 9, № 7 и 27, № 3. Видно, что въ селахъ были атаманы, выдѣленные чѣмъ-то изъ ряда своихъ собратій. — Въ Молдаво-влахійской грамотѣ 1495 г. упоминается „село Ризина где билъ Алекса ватаманъ“ („Зап. Од. общ. ист. и др.“, т. V, стр. 839).

[160]) Явившись въ Подолію, Корьятовичи, по словамъ лѣт. Быховца (str. 19), «woszli wo pryjaźń so Atamany»; это было бы невозможно, если бы атаманы были изъ Татаръ.

[161]) Даль, Толковый словарь, стр. 24.

[162]) Нѣкоторые производятъ это слово иначе (отъ Amtmann). Оно могло быть образовано въ противовѣсъ слову *отаманъ*.

[163]) Напр.: „Я, Крыштофъ Косинскій, на тотъ часъ *гетманъ*, а мы сотники *атаманья*, все рыцарство войска запорозского...“ (Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 54). Но въ томъ же самомъ актѣ козаки обязались „пана Косинскаго за атамана не меть“.

[164]) Слово ватаманъ встрѣчается уже въ сѣверныхъ актахъ XIV-го столѣтія (указаніемъ

Digitized by Google

Во всякомъ случаѣ, если примемъ, что Литовскія лѣтописи назвали представителей Подольскихъ общинъ въ періодъ татарскаго владычества такъ, какъ послѣдніе именовались въ дѣйствительности, то это послужитъ намъ огромною подмогой въ защитѣ свидѣтельства Стрыйковскаго о возникновеніи козачества въ то уже время: тогда будетъ весьма вѣроятно, что уже въ ту эпоху пастушескіе обычаи Татаръ начали проникать къ жившимъ по сосѣдству Подольцамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ — и военный характеръ татарскихъ пастуховъ. Но наше предположеніе не пострадетъ и въ томъ случаѣ, если допустимъ, что самимъ лѣтописцамъ угодно было назвать отаманами начальниковъ отдѣльныхъ мѣстностей: тогда все-таки останется несомнѣннымъ, что Подольское населеніе при Татарахъ образовало изъ себя рядъ общинъ съ старшинами, предводительствовавшими при случаѣ. Вѣдь недаромъ же Литовскіе лѣтописцы употребили слово отаманъ.

Явившись въ Подолію, Корьятовичи, по словамъ Стрыйковскаго, тотчасъ же окозачились: «Tam tedy onym obłowem nad nadzieję ucieszeni krotofil kozackich z Litewskim i Ruskim rycerstwem używali» [165]).

Могутъ спросить: если южнорусское козачество возникло такъ рано, то отчего оно такъ долго не заявляло замѣтно своего существованія, и почему, послѣ трехъ упоминаній о козакахъ у Стрыйковскаго [166]), мы не встрѣчаемъ ихъ потомъ даже у этого писателя, а въ извѣстныхъ доселѣ актахъ они являются впервые только 89 лѣтъ спустя послѣ третьяго упоминанія о нихъ у Стрыйковскаго? [167]).

этого мы обязаны Н. И. Костомарову). Въ XVI столѣтіи козацкіе начальники назывались въ Московскомъ государствѣ атаманами, тогда какъ стрѣлецкіе — головами.

[165]) T. II, str. 8.

[166]) О первомъ мы уже говорили. Второе встрѣчается при описаніи похода на Татаръ Витовтова полководца Ольгерда въ 1397 г. Этотъ походъ не подлежитъ сомнѣнію (см. статью г. Бруна во II-мъ т. „Трудовъ перваго археологическаго съѣзда“, стр. 394—895). Послѣднее изъ упоминаній о козакахъ до начала XVI-го стол. относится къ 1410 году: Витовтъ Татаръ «tańcem królowi okazował, Litwe też zbrojno świetno roższykował swoję, kozaków rozdzieliwszy z usarzmy na troję». — Къ тремъ упоминаніямъ Стрыйковскаго можно прибавить еще четвертое, если «Polane» (о нихъ говорятъ и Русскія, и Литовскія лѣтописи), бывшіе въ Витовтовомъ войскѣ въ 1399 году, обозначаютъ козаковъ—степняковъ: «Lachowe» названы отдѣльно въ этомъ случаѣ, хотя иногда подъ словомъ «Poliane» должно разумѣть ихъ (см. Лѣтоп., изд. Даниловичемъ, стр. 54).

[167]) Въ извѣстномъ актѣ 1499 года. Впрочемъ, можетъ быть, къ Днѣпровскимъ козакамъ относится извѣстіе, найденное нами въ перепискѣ Ивана III съ Менгли-Гиреемъ. Въ 1493 г. московскій посолъ Иванъ Субота, бывшій въ Валахіи, „проѣзжая съ Волохскимъ посломъ близъ Очакова, претерпѣлъ нападеніе отъ *Черкасъ*, которые побили и плѣнили многихъ бывшихъ съ нимъ людей, что̀ и побудило Стефанова посла возвратиться къ своему государю; Иванъ же Субота пѣшій дошелъ до Менгли-гирея“. Вслѣдъ за тѣмъ послу Малечкину приказано было

Digitized by Google

Вслѣдъ за изгнаніемъ изъ Подоліи послѣдняго изъ Корьятовичей, эта страна сдѣлалась яблокомъ раздора между Литвою и Польшею, при чемъ въ концѣ концовъ досталась Польшѣ. Въ Подоліи быстро привилось панство, развитіе котораго составляло отличительную черту польскаго государства, а это панство вполнѣ исключало самостоятельность низшихъ классовъ и старалось сосредоточить въ своихъ рукахъ все, касавшееся завѣдыванія дѣлами страны [168]). Между прочимъ, къ панству должна была перейти и забота объ охранѣ края [169]). Низшее мѣстное населеніе, конечно, не было устраняемо панами отъ самостоятельной защиты края, но естественно, не играло при этомъ видной роли, и зачинавшееся козачество не могло получить широкаго развитія. Напротивъ, въ польской Подоліи возростало угнетеніе простонародья, вызвавшее въ 1492 году первую среди южнорусскаго народа реакцію польскому панству [170]). Замѣтимъ еще, что въ теченіе бо̀льшей части Витовтова княженія Литовская земля, въ составъ которой входила и Подолія, была свободна отъ частыхъ и значительныхъ Татарскихъ набѣговъ [171]), благодаря дружественнымъ отношеніямъ Витовта къ ближайшимъ монгольскимъ ханамъ [172]). Мирныя отношенія польско и литовско-русскихъ земель къ Татарамъ продолжались, по приведеннымъ выше словамъ Длугоша, до смерти перваго Гирея, и, слѣдовательно, въ то время не было особенныхъ побужденій къ развитію козачества и во враждебныхъ отношеніяхъ къ Татарамъ. Поэтому оно могло существовать только въ зародышѣ и въ оставшейся за Литвою послѣ Витовтовой смерти Брацлавщинѣ.

Жители Приднѣпровья едвали могли выдвинуть козаковъ изъ своей среды одновременно съ Подольцами. Татарское владычество было свергнуто въ XIV столѣтіи и въ

стараться „о полученіи отнятаго Крымцами у Черкасъ грабежа принадлежащаго Россійскому послу Ивану Суботѣ и бывшимъ при немъ". Записки Од. общ. ист. и др., т. V, статья Ал. Малиновскаго: „Историческое и дипломатическое собраніе дѣлъ, происходившихъ между Россійскими Великими князьями и бывшими въ Крымѣ Татарскими царями съ 1462 по 1533 годъ", стр. 218—219.

[168]) Въ иномъ положеніи было крестьянство въ Литовскихъ земляхъ, въ особенности въ тѣхъ, которыя находились на югѣ Литовскаго государства. У сельскихъ общинъ существовали даже вѣча. Хотя памятники, упоминающіе о нихъ (1-я редакція Литовскаго Статута, акты. См. брошюру Иванишева: „О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи", Кіевъ 1863), относятся къ XVI столѣтію, но нельзя думать, что эти вѣча тогда именно получили начало; это явленіе, безъ сомнѣнія, было остаткомъ старины.

[169]) См. у Длугоша мѣста, относящіяся къ Татарскимъ набѣгамъ.

[170]) Мы разумѣемъ возстаніе Мухи.

[171]) Малые, конечно, были.

[172]) О такихъ отношеніяхъ говоритъ Гильберъ де-Ланноа (см. „Записки Одесскаго общества исторіи и древностей" и Кіевскія „Университетскія Извѣстія" 1873 года) и Długosz (XI, 409).

Digitized by Google

Приднѣпровьи, и уже съ того времени, имѣя крѣпкую опору въ литовско-русскихъ силахъ, мѣстное населеніе, свободное отъ панства въ томъ видѣ, въ какомъ послѣднее процвѣтало въ Польшѣ [173]), уже съ того—повторяемъ—времени могло выступать противъ Татаръ. Но не нужно забывать, что на первыхъ порахъ Литовскаго владычества оно было слабо вслѣдствіе своей малочисленности, хотя уже заявляло къ концу XIV-го столѣтія притязанія на самостоятельность отъ Литвы [174]). Въ 1300 г. митрополитъ Максимъ, „не терпя Татарскаго насилья, остави митрополью и сбѣжа ис Киева; и весь Кіевъ разбѣжался, а митрополитъ иде въ Суждальскую землю".

Карамзинъ, а вслѣдъ за нимъ и г. Погодинъ [175]) поставляютъ козаковъ, встарину называвшихся иногда Черкасами, въ связь съ Черными Клобуками, которые также названы Черкасами въ одномъ мѣстѣ Воскресенской лѣтописи. Къ этимъ ученымъ какъ бы примыкаетъ отчасти и г. Соловьевъ [176]). Но сближеніе козаковъ съ Черными Клобуками не имѣетъ прочныхъ данныхъ за себя.

Мало по малу, размноженіе и скопленіе [177]) населенія, отличавшагося отважною предпріимчивостью и не стѣсненнаго панскимъ гнетомъ, дало возможность развиться козачеству и въ Приднѣпровьи. Но здѣсь оно проявило себя нѣсколько иначе, шире и сильнѣе, нежели въ польской Подоліи, и послѣдняя обновила свое козачество, только нашедши опору въ козаччинѣ Приднѣпровья и Брацлавщины. Въ этомъ-то, можетъ быть, нужно искать объясненія того факта, что колыбелью южнорусскаго козачества называется обыкновенно Приднѣпровье [178]). По отдаленности времени, позднѣйшіе писатели не знали о древнемъ подольскомъ козачествѣ.

---

[173]) Паны были и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кіевской области. О поземельномъ владѣніи и сословіяхъ на крайнемъ югѣ Кіевской земли въ періодъ отъ конца XV по начало XVII стол., отъ каковаго періода уцѣлѣли источники, см. въ „Изслѣд. о городахъ въ юго-западной Россіи" В. Б. Антоновича (предисловіе къ 1-му тому V-й части „Архива юго-западной Россіи", Кіевъ 1870), стр. 7—9; см. также предисловіе В. Б. Антоновича къ т. II-му VI-й части „Архива", стр. 11 и 14—15, и цитированную брошюру Иванишева, стр. 6—7.

[174]) Извѣстно, что князь Владиміръ Ольгердовичъ не хотѣлъ подчиниться Витовту, когда тотъ восторжествовалъ въ Литвѣ. Кажется, что Владиміръ опирался на симпатіи мѣстнаго населенія, которое, даже послѣ высылки Владиміра изъ Кіева, уступало Литовцамъ только съ бою (въ Черкасахъ и Звенигородѣ). См. лѣт., изд. Даниловичемъ.

[175]) „Изслѣд., л., з.", V, 205—208.

[176]) „Исторія Россіи", III, изд. 1862, 41. Т. I, изд. 4-е, стр. 27.

[177]) О бѣглецахъ въ Приднѣпровье находимъ извѣстіе у Михалона Литвина. Зиморовичъ также говоритъ о выселенцахъ изъ Галиччины, **qui angarias agrarias subterfugiebant.**

[178]) Съ этимъ какъ бы согласуется занесенное въ Литовскую Метрику преданіе объ основаніи при Гедиминѣ города Черкасъ, бывшаго однимъ изъ главныхъ городовъ и вмѣстѣ

Digitized by Google

Когда козачество образовало цѣлыя роты, когда оно начало обнаруживать свою не вполнѣ мирную дѣятельность въ обширныхъ размѣрахъ, когда названіе козаковъ стало прилагаться къ значительному количеству люда, тогда о козакахъ заговорили и оффиціальные акты. Не мѣшаетъ при этомъ вспомнить, что до насъ дошло весьма мало актовъ XV-го столѣтія, относящихся къ Украинѣ, а не будь этого, кто знаетъ, не встрѣтили ли бы мы козаковъ задолго до 1499 г.?—Съ начала XVI-го столѣтія козачествомъ начали пользоваться для защиты южнорусскаго края отъ Татаръ королевскіе старосты, и съ той поры козачество начало фигурировать и въ мало обращавшихъ вниманія на народную жизнь историческихъ сочиненіяхъ.

До того времени въ Подоліи это было чисто народное явленіе, которое, по своей мелкости [179]), незначительности, безвредности [180]) и существованію только на окраинѣ, не привлекало вниманія лицъ, стоявшихъ надъ массою, въ томъ числѣ—и писателей.

Но что козачество съ давняго времени было въ Подоліи, гдѣ оно упоминается исторіей почти одновременно съ приднѣпровскимъ, это не можетъ подлежать сомнѣнію [181]).

аванпостомъ Днѣпровскаго козачества. Это преданіе вошло и въ грамоту Черкасамъ Сигизмунда-Августа. Болтинъ также приписывалъ основаніе Черкасъ—Черкасамъ, которые назывались козаками, но только относилъ это еще къ концу XIII-го столѣтія (за Болтина и Татищева готовъ стоять въ этомъ случаѣ г. Брунъ). У Герберштейна жители Черкасъ названы Черкасами, но онъ говоритъ: „Черкасы (Circassi), живущіе по Борисѳену, *суть Русскіе* и отличаются отъ тѣхъ Черкасовъ, которые, какъ я сказалъ выше, живутъ въ горахъ у Понта“ (перев. Анонимова, С.-Петербургъ 1866, стр. 157). Это свидѣтельство довольно важно. Оно показываетъ, что если на мѣстѣ города Черкасъ и были первоначально поселенцы изъ народа Черкасовъ (за Днѣпромъ несомнѣнно былъ этотъ народецъ, слѣды котораго встрѣчаются долго. См. „Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море“ г. Бруна въ V-мъ т. „Записокъ Од. общ. ист. и древн.“, стр. 125—130), то — въ самомъ незначительномъ количествѣ, такъ что чрезъ $1^1/_2$ вѣка потомки ихъ совершенно затерялись въ массѣ Русскихъ. По словамъ Гваньини (Sarm. Eur. descriptio), жители Черкасъ въ его время назывались Черкасами. Весьма вѣроятно, что и у Гваньини, какъ и у Герберштейна, Татаръ и у всѣхъ вообще называвшихъ приднѣпровцевъ Черкасами, это слово получило свое названіе отъ города Черкасъ и замѣняло слово „Черкассцы“. — Самое преданіе объ основаніи Черкасъ, едвали ведшее свое начало отъ времени основанія города, не составилось ли позже—по его названію?

[179]) Оттого-то Длугошъ и говоритъ нерѣдко о Татарахъ, что они грабили «nullo obstante» (t. II, col. 1089).

[180]) Тогда еще не установились правильныя дипломатическія сношенія и договоры съ Татарами, а съ Турціей Польша пришла въ непрерывныя соотношенія только со второй половины XV-го столѣтія. Поэтому ни Татары, ни Турки не заявляли еще безпрестанно повторявшихся впослѣдствіи жалобъ на козацкіе грабежи.

[181]) Можетъ быть, козаковъ, а не кого-нибудь иного должно разумѣть подъ мѣстными жителями, собиравшимися иногда противъ Татаръ. При описаніи одного изъ набѣговъ Татаръ,

Digitized by Google

Подолія послѣ Волыни была самая населенная изъ южнорусскихъ земель, захваченныхъ Литовцами, и ранѣе другихъ начала устраиваться.

Еще при Герберштейнѣ не Приднѣпровье, а „Волынь изъ всѣхъ княжествъ Литвы" была „населена самымъ воинственнымъ народомъ" [182]). По всѣмъ соображеніямъ, на юго-востокѣ Волыни также издавна было *козачество:* тутъ встрѣчаемъ козаковъ въ 1512 году [183]), въ 1516 [184]) и д.

Замѣтимъ, что и съ 1499 года, когда, на основаніи перваго упоминанія объ южнорусскомъ козачествѣ въ актахъ, начинаютъ его генеалогію [185]) и когда обстоятельства болѣе прежнихъ благопріятствовали развитію козачества, это развитіе совершалось довольно медленно, и козачество пріобрѣло силу только 90 лѣтъ спустя. До того времени оно должно было формироваться еще медленнѣе, и не думаемъ, чтобы оно образовалось въ послѣдніе 20 лѣтъ предъ 1499 годомъ, что̀ нужно предположить, принявъ теорію Н. И. Костомарова [186]).

По мнѣнію извѣстнѣйшихъ изслѣдователей этого явленія, оно было вызвано и имѣло своею задачею съ самаго же начала борьбу съ Татарами [187]).

Если такъ, то позволимъ себѣ спросить, почему же козачество образовалось такъ

у Длугоша говорится, что послѣдніе захватили въ Ровѣ одного знатнаго человѣка. Далѣе читаемъ: «*Terrigenam* **Mroczkonem cum aliis terrigenis interficiunt . . .** » (t. II, col. 91). Длугошъ не даромъ называетъ по имени и говоритъ объ убійствѣ этого простаго человѣка, тогда какъ вообще его интересовала знать. Подъ 1457 годомъ у Длугоша говорится о Подольскомъ правителѣ, что онъ напалъ на Татаръ, грабившихъ его землю, «**continuo, rusticanis hominibus, ex villagiis proximis, operam suam ad id** *sponte* **et** *devote* **offerentibus**» (col. 213).

[182]) Переводъ Анонимова, стр. 165.

[183]) **Stryjkowski**, II, 370.

[184]) **Ibid.**, 389.

[185]) Польскіе историки того времени относятъ возникновеніе козачества къ началу XVI столѣтія. По мнѣнію Гваньини, козаки начались со времени похода Предислава Лянцкоронскаго на Бѣлгородскихъ Татаръ.

[186]) По мнѣнію Н. И. Костомарова, козачество возникло вскорѣ послѣ перваго шага къ заведенію польскихъ порядковъ въ русско-литовскихъ земляхъ, т. е. вскорѣ послѣ 1476 года, когда „Казимиръ Ягеллоновичъ уничтожилъ удѣльное Кіевское княжество и замѣнилъ его воеводствомъ" („Богданъ Хмельницкій". Т. I. Изд. 3. С.Пб. 1870. Стр. XVII). Самая послѣдняя формулировка мнѣнія почтеннаго ученаго о возникновеніи козачества, сколько намъ извѣстно, находится въ предисловіи его къ изданію для народа „Тараса Бульбы" (С.Пб. 1874 года. Изд. Фанъ-деръ-Флита).

[187]) Такъ объясняли возникновеніе козачества Старовольскій, Целларій, Зиморовичъ, Коховскій. Рудавскій, Нясецкій. Къ такому же объясненію прибѣгаютъ и новѣйшіе историки, начиная съ Энгеля (**Fortzetzung der allgemeinen Welthistorie, 48 Theil, Halle** 1796, s. 42).

Digitized by Google

поздно въ южной Руси, когда въ другихъ Русскихъ земляхъ оно было уже передъ тѣмъ, и когда южная Русь подвергалась татарскимъ нашествіямъ нисколько не рѣже сѣверо-восточной? [188]). Почему южнорусское козачество возникло такъ поздно, когда полная возможность организаціи его имѣла мѣсто уже со второй половины XIV-го столѣтія, — когда Литовское правительство признавало и вызывало самозащиту и когда вѣчная опасность должна была издавна развить въ украинскомъ населеніи козацкую отвагу и воинственность? Недаромъ подъ 1463 г. Стрыйковскій говоритъ о Брацлавскомъ воеводствѣ, что эта «prawie wszystka wołość ćwiczona w rycerskich postępkach dla najazdów Tatarskich» [189]). У Сарницкаго читаемъ: «ita Podolii noctes ac dies bello continuo vitam totam transigunt. O vires omni genere praemiorum dignos» [190]).

И намъ кажется, что, если южнорусское козачество и не связывается ничѣмъ съ воинственнымъ населеніемъ южной части Кіевской области до-монгольскаго періода [191]), то все-таки оно представляетъ собою весьма древнее явленіе на южнорусской территоріи, сягающее не ближе, какъ къ концу XIV-го столѣтія, и еслибы въ пользу такого мнѣнія не было никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ [192]), то, тѣмъ не менѣе, оно имѣло бы право на существованіе.

Колыбелью южнорусскаго козачества, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, мы рѣшаемся считать тѣ территоріи, гдѣ въ половинѣ XIII столѣтія лѣтопись помѣщаетъ Болоховцевъ и ихъ союзниковъ и единомышленниковъ, и это, по нашему мнѣнію, третья черта, сообщающая Болоховцамъ интересъ въ глазахъ историка.

---

[188]) По словамъ одной изъ грамотъ Владиміра Ольгердовича (если только она не подложна; она помѣщена въ „Описаніи Васильковскаго повѣта“ Руликовскаго: Варшава 1853, стр. 33), Кіевскія земли „воевала орда Заволгска“ еще предъ 1390 г. Затѣмъ Татары опустошали южную Русь послѣ битвы при Ворсклѣ. Намъ извѣстны еще набѣги ихъ до начала XVI-го столѣтія: 1448 г. (**Dług. ad a.** 1448, **col.** 45), 1450 (**ibid.**, 63—64), 1452 (91 и 96 **col.**), 1453 (**col.** 105—106), 1453 (**col.** 108—109), 1457 (**col.** 213), 1469 (**col.** 449—450), 1474 (**col.** 515—516), 1478 (**col.** 572), 1489 (**Stryjkowski**, II, 288), 1493 (см. у Сарницкаго), 1494 (**Stryjkowski, II,** 297), 1498 (**ibid.**, 304 и 305).

[189]) II, 266.

[190]) **Descriptio Poloniae** въ Лейпцигскомъ изданіи Длугоша (t. II), **col.** 1923.

[191]) Равнымъ образомъ, трудно связать южнорусскихъ козаковъ и съ Бродниками (происхожденіе и значеніе которыхъ до сихъ поръ еще удовлетворительно не выяснены), что̀ пытался сдѣлать Арцыбашевъ (т. I, стр. 102, прим. 666). Сл. «**Die Kosaken in ihrer geschichtlichen Entwickelung von A. v. B.**». **Berlin** 1860, S. 23. Что касается Бродниковъ, то, кажется, они могутъ быть поставлены на одну доску съ Берладниками и отчасти Ушкуйниками.

[192]) Къ числу этихъ прямыхъ свидѣтельствъ мы относимъ то, которое находится въ привилеѣ Кіеву 1499 г. По 2-й ст. этого привилея, если у мѣщанина остановится купецъ или козакъ, то хозяинъ двора долженъ, по *давнему обычаю*, извѣстить объ этомъ намѣстника или воеводу.

Digitized by Google

Если такъ было на самомъ дѣлѣ и если, дѣйствительно, въ землѣ Болоховцевъ и ихъ союзниковъ было положено начало козачеству [193]), ставшему съ конца XVI столѣтія во главѣ народной самозащиты противъ польскаго племени, то они сослужили, сами того не подозрѣвая, великую службу южной Руси. Но въ ихъ время и въ ближайшее политика ихъ должна была быть крайне гибельна для этой Руси.

Тутъ мы приходимъ къ общей оцѣнкѣ значенія Болоховскихъ князей въ исторіи южнорусскаго края.

Мы не будемъ упоминать о поддержкѣ, какую Болоховскіе князья оказывали врагамъ Даніила въ первую половину его дѣятельности; мы вникнемъ лишь въ результаты отношеній этихъ князей къ Даніилу послѣ татарскаго нашествія.

Извѣстно, что въ половинѣ XIII-го столѣтія южнорусская земля подчинилась Татарамъ наравнѣ съ другими Русскими землями. Но въ то время какъ послѣднія тотчасъ же, по крайней мѣрѣ наружно, помирились съ совершившимся фактомъ, человѣкъ, заправлявшій югозападомъ Руси, изыскивалъ всѣ средства къ тому, чтобы сорвать путы, охватившія родную землю, не могъ надолго замаскироваться и сталъ весьма скоро въ натянутыя отношенія къ Татарамъ. Съ той поры уже нельзя было разсчитывать на вполнѣ мирныя отношенія къ нимъ, въ какихъ стояла Московская Русь.

Одновременно начала грозить опасность и со стороны занявшейся собираніемъ западно-русскихъ земель Литвы.

Съ половины XIV-го столѣтія къ этимъ врагамъ южной Руси прибавился новый— начавшая достигать объединенія Польша, да не прочь была пристать и Венгрія, принужденная въ XIII-мъ столѣтіи отказаться отъ своихъ завоевательныхъ стремленій.

Для успѣшной борьбы съ враждебными сосѣдями, изъ которыхъ два притомъ (Татары и — съ XIV столѣтія — Литва) обладали громадными матеріальными силами, югозападная Русь должна была выставить и съ своей стороны такія же силы: только съ ними она могла защитить свою самостоятельность въ борьбѣ съ непріятелемъ, который разсчитывалъ, по словамъ Плано-Карпини, именно на подавленіе противниковъ своею массою.

Послѣ татарскаго нашествія южная Русь сильно обезлюдѣла [194]), хотя не въ такой степени, какъ нѣкоторые представляютъ это [195]). Ей необходимо было болѣе, чѣмъ когда-

---

[193]) Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать разницы между козачествомъ Подоліи, о которомъ мы говоримъ, и южнорусскимъ козачествомъ XVI-го столѣтія.

[194]) Есть извѣстіе о выселеніяхъ изъ нея (Степ. книга). По словамъ Рюбрюквиса, южная Россія «tota vastata est a Tartaris, et adhuc quotidie vastatur» (Hakluyt's Collection, I, 89).

[195]) Напр., г. Кулишъ, по мнѣнію котораго, послѣ татарскаго господства уцѣлѣли только „остатки“ мѣстнаго населенія, и присоединенная къ Литвѣ югозападная Русь представляла

Digitized by Google

либо, по возможности, сгруппироваться въ однѣхъ рукахъ, по крайней мѣрѣ въ рукахъ одной семьи, и дружно стоять противъ враговъ. Въ этомъ была вся надежда на спасеніе. Отъ запада, который не прочь былъ заслоняться грудью Русскихъ, Русь получала помощь только на словахъ.

Даніилъ, съ дѣтства терпѣвшій отъ посягательствъ Поляковъ и Венгровъ на его родовое наслѣдіе, хорошо понималъ это и уже около времени татарскаго нашествія началъ довольно явственно работать для приведенія въ зависимость отъ себя всей югозападной Руси. Онъ зналъ, что крутыя мѣры не привели бы ни къ чему, и, не изгоняя и не истребляя существовавшихъ князей, требовалъ отъ нихъ только, чтобы они признали верховное его господство.

Предъ самымъ татарскимъ нашествіемъ Даніилу удалось въ значительной степени достигнуть осуществленія своихъ завѣтныхъ стремленій. Онъ овладѣлъ „Рускою землею, Кыевомъ и Володимеромъ и Галичемъ, со братомъ си, инѣми странами“ [196]); ему обѣщали „работѣ быти“ даже крамольные Болоховцы [197]).

Послѣ татарскаго нашествія продолжали извнѣ мѣшать Даніилу въ обладаніи всею югозападною Русью только Черниговскіе князья, да и тѣ не могли уже разсчитывать на успѣхъ въ такой мѣрѣ, какъ прежде.

Но тутъ явились Болоховцы. Не возвышаясь надъ узкимъ сепаратизмомъ, они ждали только случая нарушить свое неискреннее обѣщаніе. Съ появленіемъ Татаръ въ южной Руси, Болоховскіе князья поспѣшили изъявить имъ покорность, надѣясь не только сохранить этимъ свои земли отъ опустошенія, но и удержать въ будущемъ полную независимость отъ Даніила. За Болоховымъ послѣдовало немало другихъ южнорусскихъ областей, оставшихся безъ князей. Татары не прочь были оказывать покровительство этимъ областямъ, такъ какъ нашли выгоднымъ для себя и старались расширить количество непосредственныхъ своихъ данниковъ, платившихъ дань натурою, т. е. хлѣбомъ. Кромѣ того, они ослабляли этимъ Даніила, котораго хорошо знали съ самаго начала по на-

---

собраніе безлюдныхъ или малолюдныхъ пустынь.—Многіе изъ жителей Галицкой и Волынской областей нашли себѣ убѣжище въ горахъ. См. „Княженіе Даніила Галицкаго, по русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ“, стр. 87—88. Болохово, какъ мы видѣли, было совсѣмъ даже пощажено Татарами: „оставили бо ихъ татарове...“ Подолія не была лишена населенія и по разсказу Литовскихъ лѣтописей. Въ папской буллѣ 1333 года явственно отличается многочисленный народъ, обитавшій въ странахъ, которыя прежде назывались Готіею. По этому документу, Греки и Татары причиняли тому народу, большею частію пребывавшему въ схизмѣ, великія неправды и оскорбленія. Г. Шараневичъ („Ист. Гал.-вол. Руси“, 142), кажется, довольно справедливо относитъ это къ Русскимъ Крыма и степей, прилегавшихъ къ Подоліи.

[196]) Ип., 536.

[197]) Мы полагаемъ, что это случилось до татарскаго нашествія.

Digitized by Google

слышкѣ о немъ. И когда, по минованіи татарской грозы, южнорусскіе князья вступали вновь въ обладаніе своими землями, и Даніилъ пожелалъ княжить въ югозападной Руси въ прежнихъ границахъ, то онъ сразу долженъ былъ придти въ столкновеніе съ Татарами, между тѣмъ какъ въ другихъ земляхъ Руси Татары оставляли отношенія отдѣльныхъ областей къ князьямъ въ томъ видѣ, въ какомъ это было до завоеванія, и не отдѣляли ни клочка земли въ свое непосредственное управленіе. Разумѣется, Даніилъ не посмѣлъ хлопотать въ ордѣ о признаніи его верховнымъ княземъ всей югозападной Руси; сохранилось даже извѣстіе, что южное великое княженіе было отдано Батыемъ одному изъ сѣверныхъ князей: Татары, очевидно, не довѣряли Даніилу, или хотѣли наказать его за то, что онъ не поспѣшилъ явиться къ нимъ съ изъявленіемъ покорности. Потомъ они потребовали отъ него даже Галича, желая показать, что они не потерпятъ, чтобы западный уголъ Русской земли былъ свободенъ отъ порабощенія.

Нѣсколько лѣтъ Даніилъ безмолвно глядѣлъ на это отчужденіе земель, снисканныхъ имъ по́томъ и кровью, и ограничился только тѣмъ, что наказалъ разъ Болоховцевъ за помощь, оказанную противнику его Ростиславу.

Двинувшись, наконецъ, на отпавшія земли, Даніилъ тотчасъ же навлекъ на себя татарское нашествіе, заставившее его вторично смириться. Вообще Татары слѣдили весьма тщательно за Даніиломъ и успѣвали во время поражать его ударами, кажется, при содѣйствіи Болоховцевъ.

Такимъ образомъ, если югозападный край не сплотился при Даніилѣ, то въ этомъ въ особенности были виноваты Болоховцы съ ихъ сепаративными стремленіями, успѣвшіе ловко связать свое дѣло съ вопросомъ о верховномъ владычествѣ Татаръ въ югозападной Руси и поставившіе этимъ Даніилу неодолимую преграду.

А между тѣмъ какъ много помогло бы этому князю распоряженіе силами и этихъ отпавшихъ земель! Онъ уничтожилъ бы въ зародышѣ Литовское государство, которое, безъ того, оказалось равносильнымъ Даніилову, и могъ бы прочно утвердить тамъ свое вліяніе, которое его потомки удержали бы даже при своей разрозненности. Въ тоже время онъ былъ бы еще страшнѣе Татарамъ.

Но не станемъ вдаваться въ гаданія о томъ свѣтломъ будущемъ, какое могло бы достаться югозападной Руси послѣ Даніила, когда налицо ближайшіе печальные результаты, какіе повлекло за собою отмѣченное нами явленіе, имѣвшее мѣсто въ половинѣ XIII-го столѣтія въ срединныхъ земляхъ южной Руси.

На основаніи сказаннаго позволяемъ себѣ сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ.

При сосредоточеніи Русской земли, начавшемся на югѣ ея въ XIII столѣтіи, а на сѣверѣ въ XIV-мъ [198]), и здѣсь, и тамъ противниками его явились не только боровшіеся

[198]) Попытки сплоченія той и другой половины Руси замѣчаются и ранѣе, но онѣ не были довольно сознательны и не влекли за собою никакихъ прочныхъ результатовъ.

Digitized by Google

за свои владѣтельныя права князья отдѣльныхъ волостей, но, по мѣстамъ, и массы: на сѣверѣ — въ вѣчевыхъ общинахъ Новгорода, Пскова, Вятки, на югѣ — въ срединныхъ земляхъ юго-западной Руси, вошедшихъ въ стачку съ боярствомъ Галича.

Въ сѣверо-восточной Руси попытка централизаціи, какъ извѣстно, успѣла преодолѣть сопротивленіе и создала крѣпкое государство. На югѣ она также успѣла бы привести къ концу свое дѣло [199]), еслибы не то обстоятельство, что внутренніе враги нашли тутъ сильнѣйшую поддержку во внѣшнихъ. Содѣйствуя безсознательно сплоченію сѣверо-востока [200]), съумѣвшаго не выдать себя до послѣдней минуты, на югѣ, напротивъ, Татары съ самаго начала противодѣйствовали этому. Литва также на первыхъ порахъ не вмѣшивалась въ дѣла восточной Руси [201]), будучи отвлечена ближайшими интересами на западѣ, и также вначалѣ обращала особенное вниманіе на югъ Русской земли. Другихъ опасныхъ сосѣдей у сѣвера пока не было. Югъ же былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ подозрительными, враждебно и жадно смотрѣвшими на него сосѣдями и долженъ былъ создавать свое единеніе, устраивать свои внутреннія дѣла и заботиться о своемъ укрѣпленіи среди постоянныхъ помѣхъ и невзгодъ извнѣ.

III.

Послѣ 1257 года Галицко-волынская лѣтопись уже не упоминаетъ о Болоховѣ, можетъ быть — потому, что эта земля не оказывала болѣе виднаго вліянія на судьбы югозападнаго угла Русской земли. Да и Даніилъ около того времени началъ замѣтно дряхлѣть, а его преемники уже не преслѣдовали его широкихъ плановъ, касавшихся всей югозападной Руси.

---

[199]) Даніилъ успѣлъ было подчинить всѣ сопротивлявшіяся земли (см. Ип. списокъ подъ 1257 г.).—Въ лицѣ Льва мы встрѣчаемъ и на югѣ типъ князя, старавшагося *всѣми способами* захватить побольше земель. Извѣстно, что московскіе князья выиграли въ особенности благодаря настойчивому преслѣдованію стремленій, не входившему въ разборъ относительно средствъ, и личный характеръ этихъ князей имѣлъ огромное значеніе въ дѣлѣ возвышенія Москвы. Левъ также убивалъ (Войшелка), подходилъ съ хитростями (два раза къ Владиміру Васильковичу), прибѣгалъ къ захватамъ (отнялъ было у Мстислава Брестъ) и не прочь былъ покуситься даже на Польшу.

[200]) Уже Батый „почти Ярослава, давъ ему старѣйшинство во всемъ рускомъ языце“ (Ник. III, 18); при Татарахъ сразу должны были привыкать признавать безспорно старѣйшинство великаго князя. Симеону „всѣ князи Рускіи подъ руцѣ его даны“.

[201]) А когда она пришла въ столкновеніе съ Москвою, то Татары поддерживали сначала послѣднюю. Извѣстно, что Ольгердовы послы были задержаны въ ордѣ и выданы Московскому князю, „яко Олгердъ улусъ его пустошитъ, а князя великаго обижаетъ“.

Digitized by Google

Болохово не фигурируетъ рельефно и въ источникахъ для исторіи послѣдующаго времени.

Историческій интересъ Болоховской земли ограничивается, такимъ образомъ, для насъ временемъ Даніила.

Но я нахожу не лишнимъ, въ заключеніе, сказать нѣсколько словъ и о дальнѣйшей ея судьбѣ, хотя то будутъ, по большей части, лишь предположенія. Несомнѣнно одно: именно, что Болохово, какъ географическій терминъ, не исчезло совсѣмъ въ XIII или XIV стол., и слѣды существованія его замѣчаются довольно долго въ южной Руси.

Мы уже говорили, что въ концѣ концовъ Болохово должно было отойти отъ системы Галицко-волынскихъ княжествъ и, по всей вѣроятности, возвратилось подъ татарскую эгиду.

Изъ Литовскихъ лѣтописей видно [202]), что къ Кіевской области, предъ покореніемъ ея Литвою, принадлежали Вышгородъ, Овручъ, Житомиръ [203]), Черкасы, Каневъ, Путивль, Слепповродъ и, можетъ быть, позже упоминаемый Звенигородъ [204]). О другихъ же пунктахъ эти лѣтописи не говорятъ.

Въ составъ Волыни, завоеванной Литвою, также едвали вошла Болоховская земля, потому что, при перечисленіи оставшихся въ концѣ концовъ за Любартомъ городовъ Луцкой земли, принадлежавшихъ ему съ самаго начала его владѣнія въ этой землѣ, названы лишь Стожекъ, Даниловъ, Закамень, Шумскъ, Острогъ, Полонное и Меджибожъ [205]). Извѣстно также, что теперешнее мѣстечко Любаръ, расположенное у Случи, было основано этимъ княземъ на границѣ его владѣній. Позже Ѳеодору Даниловичу Острожскому были уступлены Ягелломъ лишь Острогъ, Корецъ, Заславль, Хлапотинъ [206]).

Точно также нѣтъ упоминаній о Болоховѣ и въ источникахъ, говорящихъ о Подоліи [207]),

---

[202]) Лѣт. Быховца, стр. 15 и 34. Лѣт., изд. Даниловичемъ, стр. 46.

[203]) Не въ то ли время поднялся этотъ городъ? До татарскаго нашествія о немъ нѣтъ упоминаній. Мутижиръ, о которомъ говорится въ Ип. сп. подъ 1162 г. (стр. 354), вѣроятнѣе — Мотыжинъ, чѣмъ Житомиръ (сл. Соловьева II, примѣч. 293. „Изсл., лекціи, з.“ Погодина, IV, 190).

[204]) Лѣт., изд. Даниловичемъ, стр. 46.

[205]) «Luceoriensis terra *cum omnibus territoriis primaevis et villis quemadmodum fuit a principio*». Эти слова очень важны для опредѣленія границъ Галицко-владимирской Руси послѣ татарскаго нашествія. Очевидно, что она не захватывала Болоховской земли.

[206]) «Castrum Ostrog cum districtu Ostroviensi, nec non districtus Korec, Zaslaw, Chlapotyn».

[207]) Едвали относится къ Болоховской землѣ то, что говорится о территоріи Бакоты въ договорѣ Поляковъ и Свидригайла, заключенномъ въ 1431 году. Впрочемъ, Бакота была, повидимому, не на особенно далекомъ разстояніи отъ Болохова. Замѣчательно, что она дважды отпадала отъ Даніила, именно сидѣвшій въ ней какой-то Милѣй, котораго лѣтопись называетъ

Digitized by Google

и князья Болохова исчезаютъ совершенно изъ исторіи [208]), если не предполагать ихъ въ ряду тѣхъ многочисленныхъ южнорусскихъ князей XIV-го и послѣдующихъ столѣтій, о которыхъ есть немало огульныхъ свидѣтельствъ [209]). Нѣкоторые думали, что Болоховскіе князья перешли за Днѣпръ и положили тамъ начало роду князей Болховскихъ [210]), но, какъ доказано г. Забѣлинымъ [211]), это не выдерживаетъ критики. Въ восточной Россіи были и Чернятинскіе князья, напоминающіе своимъ названіемъ дѣйствовавшихъ за одно съ Болоховцами Чарнятинцевъ, но, по своему происхожденію, они принадлежали къ роду Тверскихъ князей [212]). Нѣтъ извѣстій и о Болоховскихъ городахъ, если не думать, что прописанный въ одной грамотѣ Свидригайла [213]) Wasillus dux dictus *Boszki* получилъ свое прозваніе отъ Божскаго. Въ перечнѣ Русскихъ городовъ, включенномъ въ Воскресенскую лѣтопись и составленномъ, по всей вѣроятности, въ XV-мъ столѣтіи, Болоховскіе города не поименованы [214]). — Можетъ быть, они были разрушены Татарами, какъ и

баскакомъ (Ип., 549—550). Татары, очевидно, покушались оставить эту землю за собою и, пожалуй, могли отдать ее Болоховцамъ. Что касается Милѣя, то о немъ думаютъ различно. Карамзинъ и Петрушевичъ, вслѣдъ за лѣтописью, считаютъ его ханскимъ баскакомъ, Арцыбашевъ—градоначальникомъ, а Зубрицкій — однимъ изъ князей Болоховскихъ или подобныхъ имъ. Намъ кажется самымъ вѣрнымъ мнѣніе Арцыбашева: Милѣй могъ отпасть отъ Даніила и быть названнымъ въ лѣтописи баскакомъ, получивши власть вновь уже отъ Татаръ. — Въ упомянутомъ договорѣ 1431 г. говорится о какихъ-то *давнихъ правахъ* и льготахъ Бакоты, которыя были оставлены за нею до конца перемирія.

[208]) Мы не рѣшаемся настаивать на связи съ древнимъ Болоховымъ кн. «Wołożynskich», «imenem Suchty», встрѣчающихся въ Литовскихъ лѣтописяхъ при описаніи событій, совершившихся въ половинѣ XV-го столѣтія (Лѣт. Быховца, стр. 55). Точно также мы не приводимъ въ связь съ Болоховымъ и слѣд.: „А се боярскыи люди, дань даютъ Святой Софіи Премудрости Божіи: ... у Клочькевичахъ зъ *Волшиньскои* земли з ведра меду и поданіа ...“ (Акты, относ. къ ист. зап. Россіи, т. I, № 26, стр. 37).

[209]) По словамъ Длугоша, въ половинѣ XIV-го столѣтія въ югозападной Руси Duces plures extabant (Lib. IX, ad a. 1349). — Въ 1399 г. съ Витовтомъ было „князей рускихъ пятдесятъ“ (лѣтописи русскія и литовскія); по свидѣтельству Супрасльской лѣтописи, ихъ было убито тогда 204. — Въ одной битвѣ Сигизмунда съ Свидригайломъ «rukami poymano kniazey sorok» (Быхов., 47).

[210]) „Россійская родословная книга“ Долгорукова (III, 10)—вслѣдъ за „Исторіей“ Карамзина (IX, прим. 381).

[211]) „Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи“, ч. I, 542—544.

[212]) П. с. р. л., VII, 245.

[213]) Przezd. I, 195.

[214]) Упоминаемые тамъ Божскій и Бѣлобережье, судя по тому, въ ряду какихъ мѣстностей поставлены, находились гдѣ-то въ сѣверо-восточныхъ областяхъ Россіи. Въ Воскресенской лѣтописи читается слѣдующее: „А се имена градомъ всѣмъ Русскымъ, далнимъ и

Digitized by Google

Подольскіе города, въ отмщеніе за подчиненіе Болоховцевъ Даніилу, или для того, чтобы лишить Болоховцевъ укрѣпленій.

У Эриха Лассоты изъ ряда другихъ мѣстностей выдѣляется какъ-то странно окрестность Прилукъ [215]), гдѣ, по нашимъ соображеніямъ, могло быть Болохово, но оно при этомъ не названо.

Послѣ XIII-го столѣтія, въ извѣстныхъ намъ историческихъ памятникахъ, Болохово прямо подъ этимъ именемъ встрѣчается всего разъ—именно въ грамотѣ Сигизмунда III, разрѣшающей основаніе Лысянки (въ Звенигородскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи) и относящейся къ 1622 году [216]). Вычисляя права и обязанности мѣщанъ учреждаемаго города, король, между прочимъ, говоритъ: „во всѣхъ тамошнихъ лѣсахъ мы дозволяемъ имъ ловить всякаго звѣря, а въ рѣкахъ — какую кто можетъ — рыбу, какими угодно сѣтями, теперь и по окончаніи льготъ; но всякій Болоховецъ, который придетъ изъ полей съ рыбою, десятую изъ рыбъ долженъ отдавать въ замокъ нашему старостѣ, а другіе Болоховцы, если что будутъ имѣть, какъ водится въ остальныхъ мѣстечкахъ, должны давать обычный подарокъ на замковый урядъ“ [217]).

ближнимъ. — — А се грады Литовскіе: — — Торопѣць древянъ, Городно, Мащинъ, Бѣлаа, Морева, Воротынескъ, Шернескъ, Деревягорескъ, Копертуевъ, Восътиобачерь, *Божескъ*, Мѣзескъ, Мещескъ, Мосалескъ, Онузе Сутѣскъ, Ясенецъ, Стрѣе. — — Восвято, Жижень, Іерусалимъ, Ржищевъ, *Бѣлобережье*, Самара, Броница . . .“

[215]) «Diese Stadt hatt ein sehr schönes fruchtbares und weites feldt und Treidtboden, darinnen sieht man hin und wieder viel kleine selzame heuser, mit schiesslöchern, einzlich stehen, darinnen die Pavern, wen sie etwan plözlich, und unversehens von den Tattern überfallen werden, lauffen und sich daraus defendirn wie den ein jeder Pawer, wen Er zu acker fehrt, sein handtrohr am Halss und seine Säbel oder Tessaken an der Seiten führt, weil sie die Tattern gahr offt heimsuchen und fast ni sicher für Ihnen sein. — Tagebuch des Erich Lassota von Steblau. Halle 1866. S. 201. Въ русскомъ переводѣ г. Бруна (С.Пб. 1873) стр. 15.

[216]) Она помѣщена въ „Архивѣ юго-западной Россіи“: ч. V, т. I (К. 1869), № XXXV.— О Болоховцахъ, упомянутыхъ въ путевыхъ запискахъ Отвиновскаго, см. выше. Названіе этой мѣстности слышится какъ бы въ фамиліяхъ Болхивца, о которомъ у Похилевича („Сказанія о насел. мѣстн. Кіевской губ.“, стр. 381), и Болиховскихъ. — Можетъ быть, Болохово должно разумѣть подъ «volocho», которое встрѣчаемъ невдалекѣ отъ Кіева на картѣ, составленной въ XV-мъ столѣтіи Фра Маурo для короля Португальскаго Альфонса V. Что подъ этимъ названіемъ должно разумѣть не Валахію, видно изъ того, что южнѣе находимъ «Ulachia granda» („Матеріалы для историко-географическаго атласа Россіи. Изд. Археографической Коммиссіи“. С.Пб. 1871“. Л. 2).

[217]) «Jednakże każdy Bołochowiec, z pol przyszedłszy z rybą, rybą dziesięta do zamku staroście naszemu ma dawać, a insi Bołochowcy, jaką kolwiek mając zdobycz, jako w inszych miasteczkach naszych zachowuje się, urzędowi zamkowemu pokłon zwyczajny mają dawać». Стр. 137. — Льготы,

Digitized by Google

Изъ приведенныхъ строкъ можно заключать, что еще въ XVII стол. въ Украинѣ существовали остатки Болоховцевъ [218]) подъ этимъ именемъ, совсѣмъ исчезнувшимъ изъ современной географической номенклатуры, и что потомки уподоблялись своимъ предкамъ: вѣдь промыселъ, которымъ они занимались и для котораго ходили *въ поля*, т. е. въ степи,[219]) требовалъ въ то время значительной отваги, и имъ не брезгали, между прочимъ, и козаки.

данныя Лысянкѣ, нерѣдко уступались мѣстечкамъ, которыя основывались вновь или же возстановлялись, но оговорки, подобной той, какая сейчасъ приведена, мы не встрѣтили въ извѣстныхъ намъ документахъ. Съ грамотой, данной Лысянкѣ, схожа пожалованная Сальницѣ въ 1607 г. (см. Baliński ego i Lipiński ego Starożytna Polska, t. II, Warsz. 1845, стр. 1014—1015).

[218]) Кажется, что подъ Болоховцами разбираемой грамоты должно разумѣть не проѣзжихъ или пріѣзжихъ торговцовъ, съ которыхъ также взималась дань, а жителей окрестности Лысянки. Не даромъ въ документѣ 1622 г. говорится о платежѣ пошлины только Болоховцами. Приведенная нами выдержка о нихъ стоитъ въ текстѣ, какъ ограниченіе правъ, предоставленныхъ *мѣстнымъ жителямъ*. Торговцовъ Болоховцевъ мы не встрѣчаемъ въ привиллегіяхъ другимъ мѣстечкамъ, и нельзя думать, чтобы извозомъ рыбы занимались исключительно Болоховцы. Важно выраженіе «z pol» въ связи съ «insi Bolochowcy»: очевидно, Болоховцы не жили постоянно и исключительно въ поляхъ. Вблизи Лысянки могли жить потомки старинныхъ насельниковъ Болоховской земли, которой границы могли проходить тамъ.

[219]) Степи называются такъ еще въ древне-русскихъ лѣтописяхъ. По словамъ одного писателя, польская „сторожевая линія выдвинулась въ степи до Брацлава, который съ одной стороны посылалъ свои разъѣзды къ Подольскому Каменцу, а съ другой къ Бѣлой Церкви. Бѣлоцерковскіе разъѣзды встрѣчались къ западу съ Брацлавскими, а къ востоку съ Кіевскими. По эту черту, до конца XVI вѣка, простиралась Украина, то-есть пограничная область Польско-Литовскаго государства“ („Вѣстникъ Европы“ 1874, мартъ, стр. 22). — Рыба добывалась въ значительномъ количествѣ въ Днѣпрѣ. Извѣстный Архидіаконъ Павелъ, спутникъ Антіохійскаго патріарха Макарія, проѣзжавшаго чрезъ южную Русь въ половинѣ XVII-го столѣтія, между прочимъ, говоритъ (по англійскому переводу): «Bread they furnished us in loads: and fish in quintals, from the plentiful cheapness of it among them; and its immense variety of Shape and colour astonished us: for, as we before mentioned, the great River Niepros is near them, and many ships sail out of it. As to the quality of the vessels which navigate this river, they are generally large. In measuring some of them, we found the length of their single timbers to be about one hundred and fifty spans; and there are many hollowed out of one huge piece of wood, of which the length is ten cubits. On this river the pass to the Black Sea» (The travels of Macarius, part the third, London MDCCCXXXII, pp. 239—240). — Были и другіе пути подвоза. По словамъ Броневскаго, два раза ѣздившаго посломъ Речи Посполитой въ Крымъ въ 1578 году, на Бугѣ былъ скалистый островъ, служившій „вѣрною защитою Братиславцамъ, которые ежегодно по нѣсколько мѣсяцевъ занимались тамъ рыбною ловлею. На этомъ островѣ и на другихъ лежащихъ на Бугѣ, въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ постоянно находится около двухъ сотъ стрѣлковъ“ [„Записки Одесскаго общества исторіи и древностей“, т. VI, Одесса 1867. Описаніе Крыма (Tartariae Descriptio) Мартина Броневскаго, стр. 334].

Digitized by Google

Можетъ быть, въ то время были козаками и Болоховцы, жившіе на южной окраинѣ Рѣчи Посполитой [220]). Вспомнимъ, что, по словамъ Грондзкаго, козаками назывались не только жители низовьевъ Днѣпра, но также обитатели мѣстностей по теченію рѣкъ Днѣстра и Буга.

Съ меньшею вѣроятностію можно относить приведенныя слова королевской грамоты къ Болоховцамъ Галичины, или же думать, что Болоховцами въ то время назывались не столько жители какой-нибудь мѣстности съ именемъ Болохова, сколько люди, занимавшіеся тѣмъ или другимъ промысломъ, т. е., что слово Болоховецъ сдѣлалось именемъ нарицательнымъ [221]).

---

[220]) По словамъ Сарницкаго, Баръ былъ »arx munitissima, *in ipso aditu Scythiae excitata*«.

[221]) Намъ сообщили, что въ смыслѣ нарицательнаго слово Болоховецъ употреблено еще въ одномъ изъ напечатанныхъ актовъ, но мы сами не встрѣчали его нигдѣ, кромѣ акта 1622 года.—Подъ Болоховцами этого акта не должно, конечно, разумѣть промышленниковъ, отправлявшихся въ Болохово, которое, по отведенному нами ему мѣсту, не могло служить пунктомъ рыбной ловли (тутъ не можетъ быть аналогіи съ Коломыйцами, каковымъ именемъ назывались привозившіе соль изъ Коломыи), равнымъ образомъ въ упомянутомъ актѣ едва ли имѣлись въ виду и жители Галицкаго Болохова; въ грамотѣ прямо говорится о Болоховцахъ, что они привозили свои продукты »z pol«.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВАЖНѢЙШІЯ ИЗЪ ОПЕЧАТОКЪ.

На страницѣ:	Въ строкѣ:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
2	12 снизу	Болохолскіе	Болоховскіе
4	9 сверху	Барсовомъ	Барсовымъ
7	2 —	Володаревомъ	Володаревымъ
10	13 —	Увѣтохи	Цвѣтохи
—	21 —	Шварка	Шварна
—	23 —	городка	Городка
—	27 —	друое	другое
—	29 —	Сюмаловка	Сюмаковка
—	32 —	Сѣмоцѣ	Сѣмоцю
—	— —	ходя	хотя
—	38 —	Гнилотетъ	Гнилопятъ
11	4 —	Копела	Конела
—	14 —	года	годъ
12	— —	де-Лаппуа	де-Ланноа
—	5 снизу	Шварко	Шварно
13	12 сверху	Ровна	Ровка.
—	22 —	Деревено	Деревяне́
—	24 —	Галицкаго“ 61	Галицкаго“, 61
—	26 —	въ сторону откуда	въ сторону, откуда
14	11 —	константинопольскомъ	константиновскомъ
15	10 снизу	Лѣт. п.	Лѣт. по
17	1 —	s. 32	S. 32
—	33 —	Заброды	Забродье
19	15 —	Гниломета	Гнилопята
21	20 сверху	а оттуда	оттуда

Digitized by Google

На страницѣ:	Въ строкѣ:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
22	17 сверху	или же *кудà*	или же *будà*.
—	— —	*будъ*	*кудъ*.
24	4 снизу	кажется переходитъ	кажется, переходитъ
29	14 сверху	помѣсилъ	помѣстилъ
33	18 снизу	заиимающіе	занимающіе
34	12 сверху	рода	ряда
36	20 снизу	Halluyt's	Hakluyt's
—	— —	voages	voyages
37	7 —	Ип.	Ип., 556
38	15 сверху	Гольменскому	Гольшанскому
39	5 снизу	Борыни	Горыни
40	1—3 —		*Добавить:* Такъ какъ самъ я не имѣлъ возможности провѣрить снимокъ, то не могу ручаться за точность его.

Примѣчаніе. Карта Болоховской земли отъ тридцатыхъ до семидесятыхъ годовъ XIII стол. помѣщена въ „Трудахъ III-го Археологическаго съѣзда".

Digitized by Google